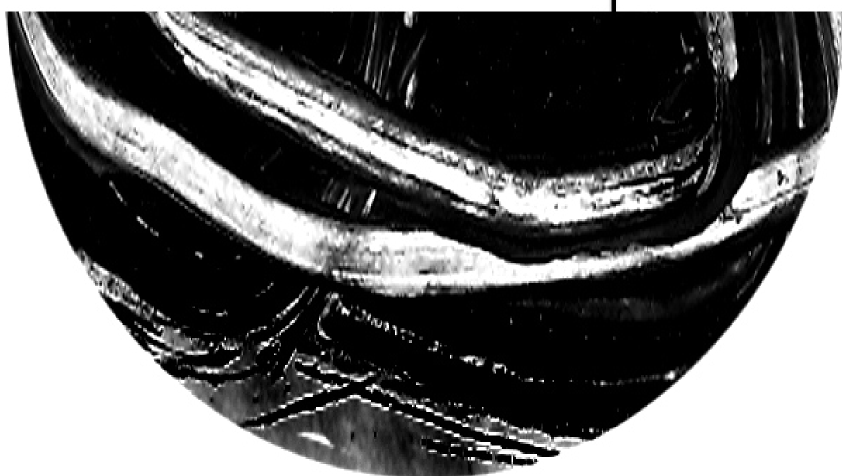
ДРУГОЕ ПОЛУШАРИЕ

another hemisphere

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО
АВАНГАРДА

№ 13 / 2010

ЗАУМЬ DADA АБСУРД БУК-АРТ СМЕШТЕХ КОМБИНАТОРИКА
ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ SOUND POETRY
ТЕОРИЯ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
АВ
АН
ГА
РДА
От футуризма к неофутуризму.
Эксперимент - Поиск - Ожившее Слово

Журнал выходит при поддержке Международной Академии Зауми и литературной группы «Другое полушарие / СССР!»

Периодичность: 4 номера в год

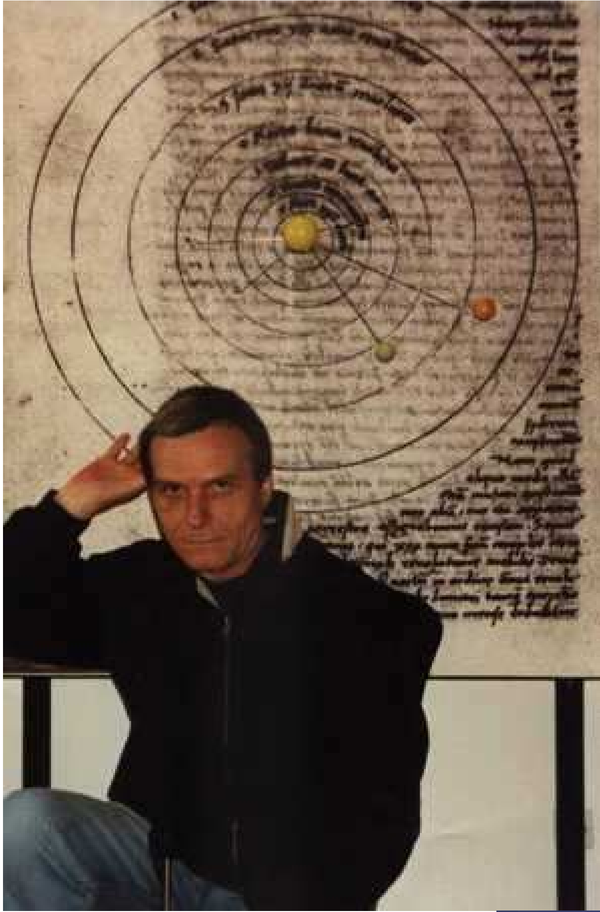
Contact:
drugpolushar@yandex.ru

WEB:
http://drugpolushar.narod2.ru/

ARTronic Poetry:
http://artronicpoetry.blogspot.com/

ДРУГОЕ ПОЛУШАРИЕ /ANOTHER HEMISPHERE. – 2010. - № 13. – 106 стр.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА / CONTENT

120

НА ДВОИХ

Сергей БИРЮКОВ
Sergej Birjukov

В ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ

The End of August

In the last days of August
On the eve of school
You remember
The white shirt
The red tie
Given by brother
The scent of apples in the briefcase
The whiteness of a notebook sheet
The cages for ciphers
The lines for letters
The read in the summer textbooks
The expeditions to distant countries
On the geographical atlas
The comprehension of physics' laws
In the cold river
The smell of baked potatoes
The smoke of a bonfire
The Moscow girl
Who came for vacation
Who said that anatomy
Is studied in the 10th class
Ah, really!
End of August
Song "Soon it is autumn
Behind the windows is August"
How does it continue
In this unbelievable play…

* * *

Fleeing wind of morning
To wake up astonished

Here is darkness

Green mills' crosses
Fog of village outskirts

Audible
The crunch of an apple

Return

Possible

* * *

But not

That does
Resemble denial

If denial
Could
Deny itself

If it were like that
It were

And in us
Ourselves
Exists

But not

* * *

Po-
Etry
Is an
Off-
Ense
Not subject to
Ex-
Posure

* * *

As if resolved is
The equation of the sun

What is wind for
And rain with snow

And desert frost

And a cloud of vapor

God knows the remaining

Another

Another summer
Departed bird-like
Track – it’s a pair of scars
On the heart
Cross resembling
Optical sight of a rifle
There really are exact shooters

* * *

Lighting one cigarette
From another’s tip
Inhaling
Observing how blazes up in darkness
A fiery-red light
Grinding pebbles
Of yesterday’s day
As instantly
As a flash of magnesium
As a Latin saying

Most Concise Definition of a Philosopher

Philosopher – it is a person, who doesn’t fear being a philosopher.
Philosopher – it is a person, who doesn’t fear being a person.
Philosopher – it is a person, who doesn’t fear being.
Philosopher – it is a person, who doesn’t fear.
Philosopher – it is a person, who doesn’t.
Philosopher – it is a person, who.
Philosopher – it is a person.
Philosopher it is!
Philosopher!

(Read distinctly, gradually strengthening the voice. Repeat everything in the opposite order.)
Philosopher!
Philosopher it is!
Philosopher – it is a person.
Philosopher – it is a person, who.
Philosopher – it is a person, who doesn’t.
Philosopher – it is a person, who doesn’t fear.
Philosopher – it is a person, who doesn’t fear being.
Philosopher – it is a person, who doesn’t fear being a person.
Philosopher – it is a person, who doesn’t fear being a philosopher.

Sphinx

Taciturn sphinx
At the maritime gates
of St. Petersburg

you meet sailors
with silence

you attentively listen to
their conversations
about distant countries
you remember
as though a computer
and then will retell
descendants
likewise silently

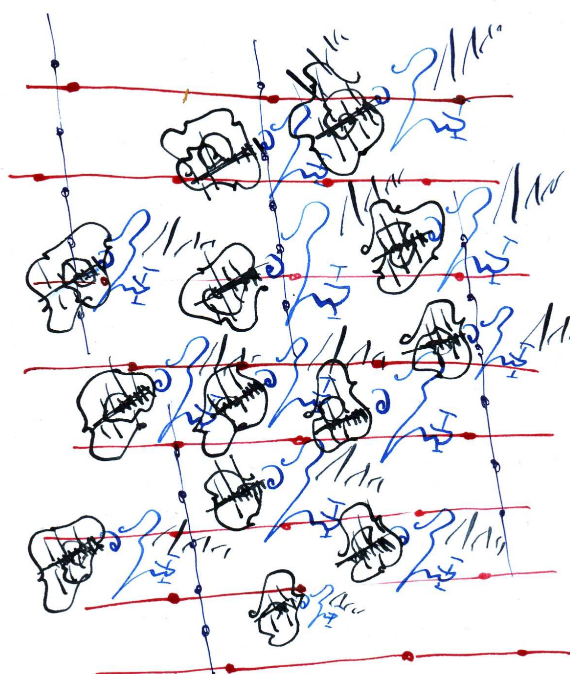
stillness does not frighten you
and rush of waves
and mysterious
quiver of silken cloth
on hips of a girl
who came out towards
one returning from sail

he will tell you
"hello sphinx"
and you likewise silently
will answer him with a greeting
and then he will understand
that he returned home

* * *

At John Cage
I looked
He was old
From the year 12
(thousand nine hundred)
and laughed
without sound
like a pterodactyl
he said something
but not that fluently
chain of circumstance
permanent
anarchy is the mother of order

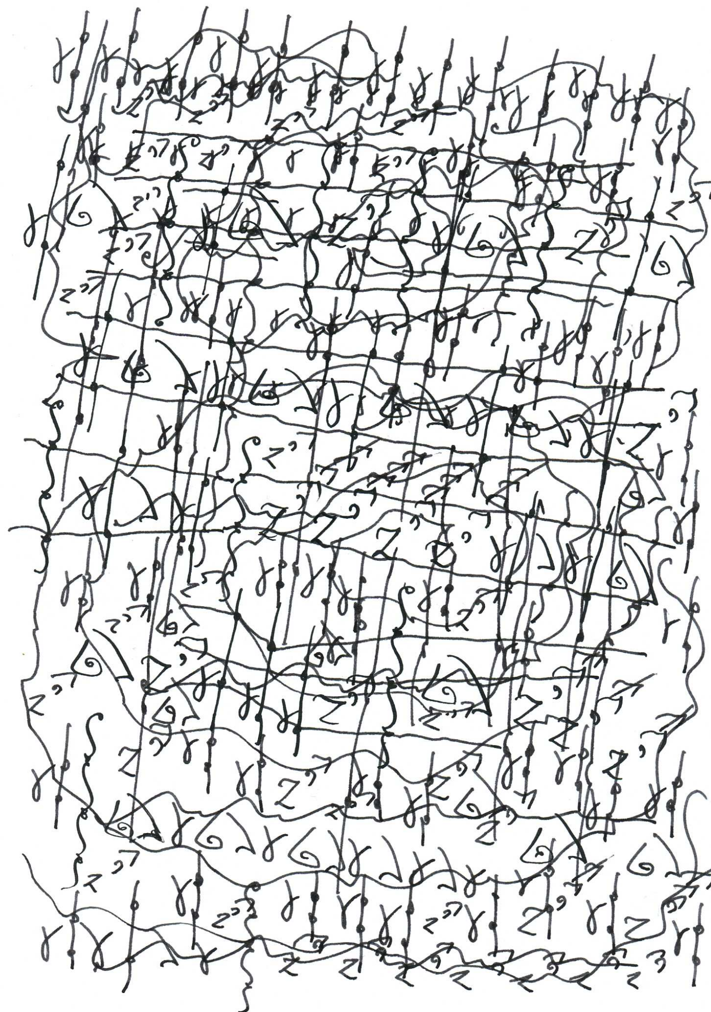
Transl. by Erina Megowan

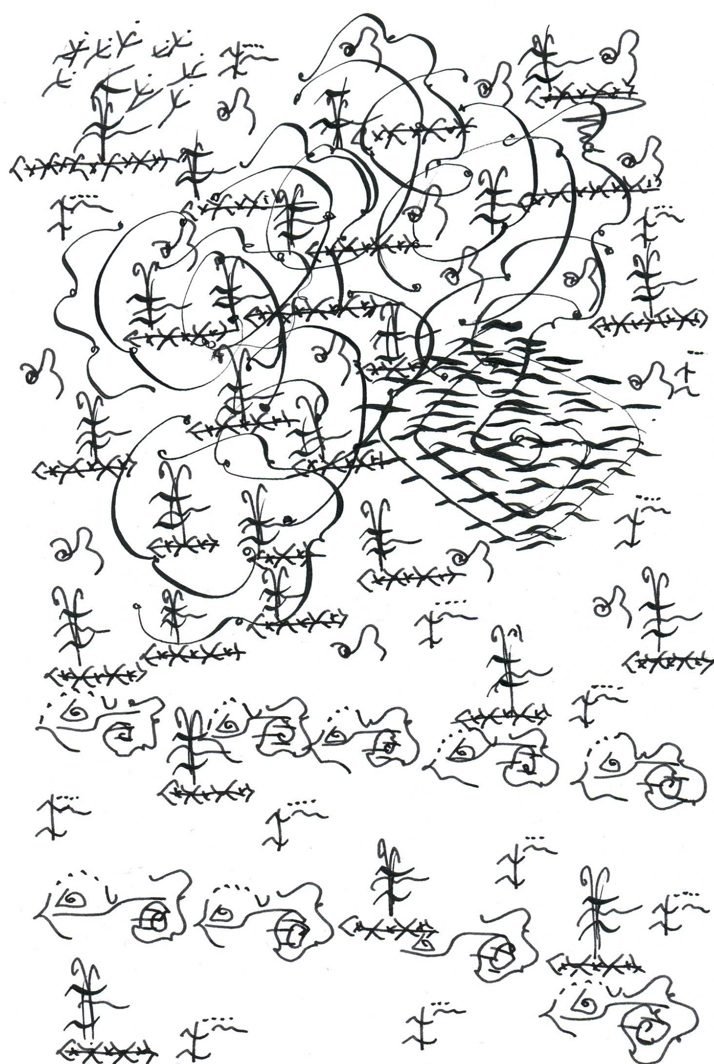
8.06.10 V.Sch.

24.06.2010 žochma v.sch.

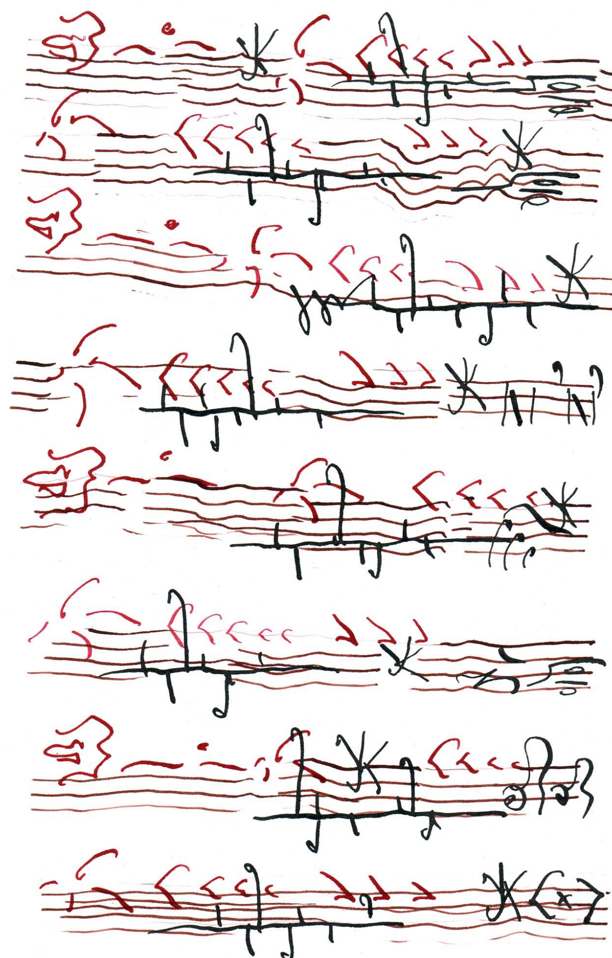
August 2010 v. Sch.

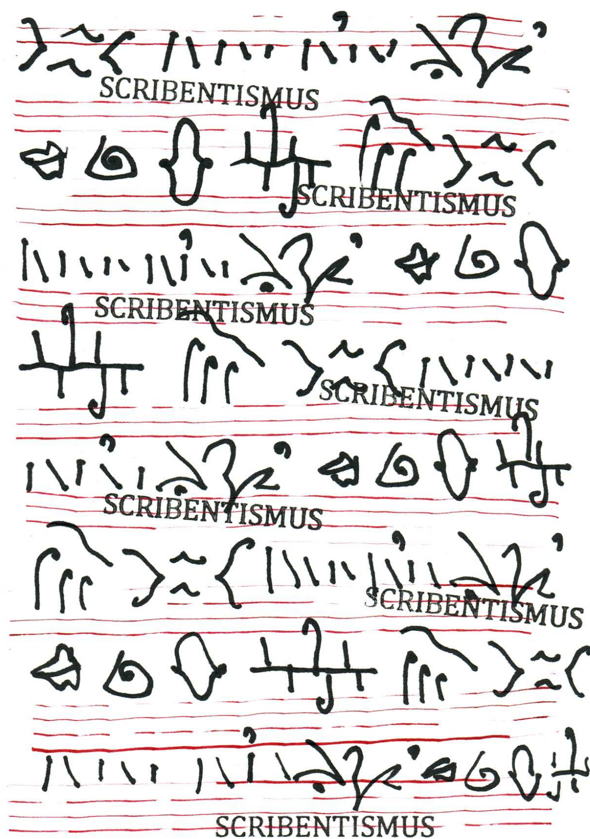
15.08.2010

24.08.10 U. /iЧ.

4.06.10

SCRIBENTISMUS
SCRIBENTISMUS
SCRIBENTISMUS
SCRIBENTISMUS
SCRIBENTISMUS
SCRIBENTISMUS
SCRIBENTISMUS
13.05.2010

SCRIBENTISMUS

SCRIBENTISMUS

SCRIBENTISMUS

SCRIBENTISMUS

SCRIBENTISMUS

SCRIBENTISMUS

SCRIBENTISMUS

SCRIBENTISMUS

SCRIBENTISMUS

13.05.2010

TEXT POETRY

Игорь БОЖКО
Igor Bozhko

бальмонт и брюсов

на собрании поэтов в одном
около литературном доме
брюсов обвинил бальмонта в недостатке
изящества
последний был тих и скромен
и посмотрел на брюсова как японец
из ящика

– валерушка сказал он грассируя на букве эр
я как пишущий офицер
требую сатисфакции
вы повели себя как
волочильщик из «стальканата»
и кошка у вас горбата

после этих слов бальмонт снял перчатку
и швырнул её брюсову под ноги

– не любите вы правду-матку
и больно уж стали к моей поэзии строги

– уже и пошутить нельзя батенька с вами
давайте лучше по рюмочке и заедим пирогами

– шутки шутками а перчатку-то подымите
я говорю по русски
а не на
иврите

сказал так и взял свой мешок с бутылками
а тот другой сумку с макулатурой
и ковыряя в ушах вилками
пошли к будке утильсырья рассуждая
о роли личности
в современной литературе

потом передохнули у лодочного причала
попили морской воды и закусили
сырой картошкой
хотели ещё свежей кошкой
но та вырвалась и убежала.

потом пошли на вокзал
и тут брюсов сказал
– а прислуга-то у вас вся вшивая
и кошка плешивая
и рифмы все водка-селёдка
и как у козла бородка

а бальмонт сделал палец как пистолет
наставил его на брюсова
и пукнул в ответ.

13 февр. 2010

Больница

Плешивый старик выходит
из общей палаты в коридор,
держится за живот и причитает:
«Боже мой, как мне больно!
Как больно!»
На него никто не обращает внимания –
у каждого свои заботы.

«Боже мой, как мне больно!
Как больно!»
Плешивый старик, по-видимому, одинок.
Передач ему никто не носит.
Он ест суп, приготовленный
в больничной кухне.

Из общей палаты его гонят в коридор,
чтоб не доставал всех своими стонами.
С каждым днём его голос
становится все неприятней,
и передвигается он, держась
за спинки кроватей и за стены.

В коридоре, возле перевязочной,
он смотрит мне в глаза:
«Боже мой, как мне больно!
Как больно!»
«Пошел ты на хуй, – думаю я
и отвожу глаза от его глаз. –
Слабовольное, ни кому не нужное
существо человеческое».

«Сестра, можно сделать ему
обезболивающий укол?»
Она говорит обиженно, что
деньги надо класть
в оттопыренный карман халата,
а не совать их прямо в лицо.
Потом говорит, что у неё сын-подросток,
с которым одни проблемы.
А тут ещё
лопнула труба,
и вода залила соседей.
Теперь она должна платить –
 так присудил суд.

Через день
два бойких запаренных санитара
вывозят труп старика
на носилках с колесиками в морг.

Они жалуются, что
спуск по лестнице со второго этажа –
стоит сорок гривен,
проезд по двору тоже сорок,
а кто заплатит?
Некому заплатить.
И вопрошающе смотрят,
на сидящих у перевязочной,
своими,
тоже человеческими глазами.

«Боже мой, как мне больно,
как больно».
Не ври, плешивый старик – тебе уже хорошо.

Хотя завидовать здесь нечему.

* * *

возле седьмого роддома
ночь особенно черна
тяжело жить без диплома
кошке осваивающей чердак

милицейский наряд появляется
из тени
значит пришла пора
любви и избиений

ночь выпячивает фонарный свет
подсказывает как пройти мимо
выше неба ветхий завет
небо чёрное мыло

возле седьмого роддома
луна кажется особенно голой
как тунгусский гермафродит
сразу ударили ногой в голову
но уже не болит

потом пришла госпожа глаукома
кошка освоила чердак
так и живёт без диплома
тяжело но жить можно и так…

4 февр. 2010

* * *

Он захоронен был случайно.
Нелепо вышло – но потом
его поспешно откопали
и извинились (трали-вали)
поздравили (ну что ж, ну что ж)…

…Ну, что ж, стряхнув с рубахи слизня
и распахнув скорлупки век,
такой насыщенною жизнью
зажил с тех пор тот человек.

Он ходит в театры, на концерты!
Он любит женщин, ест и пьет!
Читает письма сквозь конверты!
И торопливо так живет!

Спешит постигнуть все основы –
взлететь, взбежать, схватить, достать…

Как важно, схоронив такого,
вдруг спохватившись – откопать!

подвальная колыбельная

Шуры-муры, трали-вали,
мы с тобой одни в подвале.
Я один и ты одна -
пей до дна, пей до дна.

Вот огурчик, вот картошка,
вот тебе большая ложка -
не побрезгуй. Из окошка
площадь лобная видна.
Пей до дна, пей до дна.

Пей до дна и будь спокойна.
Кстати, как тебя зовут?
Слышишь, ливневые войны
по земному шару бьют?

Поржавело наше лето…
Вот и тронулся вокзал.
Вот и тронулась планета.
Вот и тронулся подвал.

Ляжь вот здесь. Не бойся. Ближе.
Кстати, как тебя зовут?
Говорила?.. Снова лижет -
мостовую дождик-брют?

Вот подвал поднялся выше.
Вот уже над мостовой.
Вот внизу мелькают крыши…
Ты не бойся ангел мой.

Я не раз в подвале этом
отлетал в нездешний край.
Спи, дитя кордебалета.
Баю-баюшки, бай-бай…

Спи. Усни. Дрожать не надо.
Виноваты-то мы сами?

Что из райского, из сада -
здесь столкнулись головами.

Это было так давно…
Помнишь, Ева - нас изгнали…
Вот такое вот кино.
Вот такие трали-вали.

За окном прохожих нет.
Кот ночной кричит, как в марте.
Дождь прошел, фонарный свет
отражается в асфальте.

Генрих КИРШБАУМ
Henrih Kirshbawm

ИЗ ЦИКЛА «КРАСНЫЕ РЫБЫ» (II)

выползок

Сквозь сизую зыбь ветвей
первые посвисты совки;
по голени сопки,
в покатую темь
петляет ловкий ручей.

В распадке трещат
щитки каскада.

Разводами марганцовки
багровеет закат.

В траве у ручья
чьим-то чужим чулком
черствеет
змеиная чешуя.

пирс

Ночью шторм заливал мол;
листами-слитками,
липкими кинолентами –
соленые пленки водорослей,
клочья коричневых волн.

Лазурь приморского утра;
мятыми пятнами перламутра
мутно переливается
медуза мазута.

Под грыжей швартовых шин
шамкает штиль;
у покрышек морские ежи
пожирают рыжий лишайник мшанки.

В железобетонной луже
ржавеет йод;
причальные чайки
торчат по чугунным тумбам.

Тихий ход!

на поправку

Долго сипело мокрое горло.
Бронхи глохли хлопками хрипа.
Тело устало ныло.
Где-то в лопатках, ломя, сидел
Последний осколок гриппа.

Ольга ЗИКРАТА
Olga Zikrata

Полиcentral

(Из книги “Телоплеть»)

дробь

1
возвращенье
бешенство шести беженок и женок
возвращени бьешенства и бьёшкой бшкой и бьежу

воращенье шебенство нешебство и бстенье

2
возврати бешеный шести женцам беж**а**нцам
вратарь зоркий
бешенник зори
вобрати шебенный стиши жестые бежавши
брати зор

жести жестычи
шествути шажи жахищи втаптыти

твердь и поры

1
ляжи каменю жестмо ремче времени
ляжму имяно жестько гьвовори женсько створок

льяжи мними стеси на
итие томь
stratum застатум застрату застрах

2
ляжи заляжи нами комками костями ремнями
жалью ляжи полый но полный но вольный лоно прелогом
ляжи резцами зубцами рубцами на
рубежа
ляжи житями бежачи

3
ляжи твердети твердьми тверди ты твердяти
ляжи за ляжи за пролежнь за пролежь запрожи зародь
ляжи за лежни за лезви железы залезы внати опухши поплати
грудных и слюнных
с людных

ушедши

щепки

1
расходи сухие ушные шрамы застклени
колени рвами вдыхати мысльи заследьи затель

древесни сникши почтити
склоняти глову логово логовор логовер логоверть логоветвь

сщепленных улюблена улюльчена поза плёни
прости за сплёв

Владимир МАЛЬКОВ
Vladimir Mal'kov

* * *

Упрямая рыба
начнет все сначала
уйдет в глубину
и окажется
маленькой капелькой сна
На губах свет мерцает
кувшинок снежинки за облака
Там дверь открывается
тайны идут по дороге
в которых всегда
невзначай
живут улитки
и не живут носороги
Простуда
Горячий чай
Единое целое
Крылья
Листва
Птицедерево
Зверевозверево
Свет от костра
Песчинки стекаются в горсти
Звонок
Торопливые гости
Сигналы из центра земли
Веревка что тянется к горлу
по контуру
до петли…

* * *

Он знал что так и будет
и даже тот кто сможет
не станет делать больше
простится и забудет
Возьмет билет на поезд
окажется за кругом
там где большие рыбы
встречаются друг с другом
Там где следы дракона
пересекают город
где черные вороны
на каждом светофоре
Вода уходит в землю
земля уходит в камень
холодные деревья
с холодными губами
Компьютерные дети
нет воздуха есть повод
очнуться и ответить

открыть глаза и вспомнить
Что в каждом первом файле
меж плавниками
в круге
живет живая память
в фарфоровой посуде
Живут наречья мертвых
мерцает клуб районный
скитается по суше
все тот же кот ученый
Над нами то же небо
оно следит надменно
Внимательно вкушает
космические сцены
Сухие зерна риса
скупые фразы сердца
язвительные притчи
бетонные ступени
И мы в ответ считаем
и считываем знаки
Мы новому молчанью
по - новому внимаем
И обретаем веру
что нет пути обратно
и вечное светило
зализывает пятна…

* * *

Просто не помни
тех кто не помнит
Понедельник
Звонок
Тени в прихожей
Огонь на плите
словно настольной
лампой
играет ветер под кожей
Ты веришь всему
что осталось в тебе
явилось
застыло
в круговороте еды воды
с мучительной кровью
до дальнего берега
не доплыть
Я думал ты веришь
а ты не знаешь
смотришь в небо
стремишься увидеть контур
что касается краешком одеяла
и утешает сказочным словом
На тонкой линии проводов
пустые слова
превращаются в камень
только глаза открывают
свой рот

и считают свой счет
слепыми щенками
Компьютер друг мой
Клавиатура
Свидетель тайный
дымом сигналит
Зовет поэта
Инопланета
Кирпич из черники
Малина
Медведи
Кровавая туча
Библиотеки
Навеки
Я облако
Изменится счет
через год через три
поплывут пузырьки
на поверхность реки
из легких
что стали тебе велики
от красных лягушек
что бродят внутри
На жадность воды
опускается ночь
и капля за каплей
письмо на бумаге
Все части на части
По венам
бродит собака с милиционером
ищет всех тех
кто украл мое счастье
Мама старается
гнется ломается
Снова из пепла
в стакан с молоком
льется из детства
голос ее
Оденься теплей
не придумывай небо
ты все потеряешь
устанешь
ослепнешь
Москва
Фредди Крюгер
Бездомные люди
Урочище тайное
горе на блюде
И видимо так
что сказать не сказать
не сделать надрез
не укрыться от голоса
что все мои силы
сосет в три рта
скребется в пятках
целится прямо в голову
Ищет крошки в моих глазах
языком почерневшим
от черного хвороста

от земли что падает
с девятого этажа
прямо в пасть картонного глобуса…

* * *

Осеннее чувство
находит дорогу
Мучительный угол
Наклонная плоскость
Руки тише
пальцы не тратьте
сердце падает с крыши
силуэт на асфальте
Два кофе и танец
медленный
словно
земля растворяется
в дымчатых кольцах
И ты растворяешься
в складках пространства
уходит последняя власть
над молчаньем
Кричишь все что знаешь
с размаха с разбега
две ступеньки
двустишье
полет
стратосфера
Пустота
Ты искал эту связь
в каждой строчке
Дальше
Ближе
Природа твоих многоточий
и бессонница – маятник
тень метронома
Раз и снова качается
два и будто бы снова
Рядом люди
рояль
переход через Альпы
Сигареты мерцают
на контурной карте
Обретаем и верим
все реже и реже
плачет лезвие
бродит по улицам нежность
Покури помогает…
Парус где-то в прихожей
под самой кожей
А под сердцем
живет валидол
и живот…
И ногами назад
и ногами вперед…

Наталья РУБАНОВА
Natalia Rubanova

ИЗ ЦИКЛА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»

1. Zero-терапия: история болезни

эта задачка, как казалось поначалу, не имеет решения:
долго сверял найденное значение «Х»
с ответом в конце учебничка:
«жизнь» – курсивилось на обложке,
а я все ходил, ходил кругами ада по страницам,
листал их, плакал над ними, смеялся,
тщетно пытаясь найти единственно нужную.
прошло тридцать с лишним лет.
отчаявшись, я хотел уже было выбросить к ейной матери
чертову книжицу и пустить все на самотек,
как вдруг увидел ответ – он оказался неожиданно прост: «Х=0».
и я ухватился, ухватился за эту соломинку, ухватился за Аркан Дурака,
потому как не мог, не мог больше выносить запаха трупов собственных мыслей –
они ведь всегда, всегда завершались одним и тем же сандаловым рефреном:
ты пьешь из бирюзовой пиалы некий жемчужный напиток,
заваренный в чайнике из исиньской глины…

чтобы не сойти у ума, пошел к одному хрену –
он брал тысячу в час, недорого по нынешним временам.
хрен слушал меня, слушал, что-то записывал,
а в конце сеанса сказал, что нужно приезжать два раза в неделю
и г о в о р и т ь, говорить, говорить –
говорить о том, *что именно* я чувствую, когда в голове моей появляется
бирюзовый рефрен, пахнущий сандалом…
я ездил исправно что-то около года,
а потом хрен предложил мне лечь на обследование в НИИ:
так будет лучше, заверил он,
и никаких проблем с так называемыми прошлыми жизнями.
знаете, существует даже молитва «об избавлении от воспоминаний»
(для того чтобы показать мне, насколько *к этому* нечего добавить, он развел руками):
так вот, после курса лечения вам не придется молиться.

я согласился: терять, в сущности, кроме трупов мыслей, оказалось нечего –
ловить, собственно, тоже: ведь чтобы что-то поймать,
надо освободить для этого «чего-то» место, пока же е г о не существовало:
пространство вариантов было занято, увы, все еще тобой.
я судорожно стремился избавиться от твоего образа,
преследовавшего поначалу и днем и ночью:
вот ты в машине, а вот с очередным лю-лю-любовником,
или звонишь по делам – ты ведь регулярно звонишь по делам,
ты же чертовски «деловой человек», и снова: вот ты в машине…

наши отношения оборвались резко, что, разумеется, лучше
отрезания «хвоста» по частям: ни ты ни я не хотели уже страданий –
а мы действительно измучили друг друга, особенно в последнее время.
чего ты хотел? тепла моего или все-таки крови?
души моей – или все-таки тела?
я страшно любил тебя, Крыс. я смертельно устал от тебя, Крыс,
я не мог больше, просто не мог больше играть.

палата оказалась светлой и уютной.
мой сосед, дядьборя, толстый дядька с красным носом,
тоже лечился *от души*. впрочем, мы не напрягали один другого –
каждый лежал *с индивидуальными* наушниками, читал *индивидуальные* книги и
писал *в индивидуальный* горшок. кто это пел, дай бог памяти, БГ или Майк?
«давай не будем лезть друг другу в душу, искать напрасно то, чего нет…»

я забывал тебя, Крыс, в час по чайной ложке,
методично, целенаправленно.
забывал твои глаза, брови, нос, губы,
забывал бородку, чуть выдающийся кадык, пижонские костюмы,
забывал, как ты нагло покусывал мочку моего уха,
забывал каждый подарок, каждое слово –
я молился, о да, я молился об избавлении от этих воспоминаний:
ни одно существо не хочет терпеть боль –
я не был, о, хотя бы в этом я не являлся исключением из правил:
страдающий эгоист, прожигавший то, что называется жизнью, в гей-клубах –
до встречи с тобой, разумеется.

однако белые сестры не забывали о том, для чего я у них оказался:
их накрахмаленные халаты, вселявшие поначалу легкий трепет,
если подумать и подключить хоть малую толику воображения,
походили на обмундирования низвергнутых ангелов,
выдворенных-таки на Землю после битвы Архангела Михаила с Ариманом,
коли верить сочинениям господина Штайнера.
вот они-то, падшие ангелы, и лечили меня –
только у них есть право лечить меня, Крыс, я понятно изъясняюсь?..
о, ты не видел того, что п о к а з а л и мне! я расскажу,
обязательно расскажу тебе эту сказку –
если, конечно, ты хочешь думать, будто это сказка:
ты волен думать, впрочем, все что угодно –
поднебесная в о л ь н а я давно подписана…

слушай, слушай же, милый волк!
давным-давно, когда воздух был плотнее, вода более жидкая,
а земля почти мягкая, когда тело состояло из пластичных веществ
и душа слагала это самое тело ни мужским ни женским,
но придавала ему и те и другие качества одновременно,
то есть когда люди были двуполы и могли самовоспроизводиться
без помощи «третьих лиц», *уже тогда мы были одним*.
когда же вещества стали отвердевать, мы стали тем,
кого назовут много позже лемурийцами и атлантами,
а потом и арийцами, М и Ж:
и всегда, заметь, в с е г д а мы были пусть не вместе, но рядом.
мы, жившие когда-то, перед тем как прийти сюда, на Сатурне, Луне и Солнце,
окажемся после очередного квантового перехода – он же катастрофа,
которой завершается любой «человеческий цикл», –
на Венере, Юпитере, а потом на планете под называнием Вулкан:

только там обретем мы блаженство, блаженство в Боге, Крыс –
думал ли ты когда-нибудь о блаженстве в Боге?
думал ли ты о Боге, обнимая очередного поджарого мачо,
показавшегося небезынтересным? не забывай предохраняться –
не забывай предохраняться, и – *пока*:
пока я все еще целую тебя,
целую по-прежнему в висок – нежно и ветрено,
так, как только я и могу: ты помнишь, я знаю.
… да помнишь ли ты хоть что-нибудь, Кры-ыс?!.

моя кожа странным образом все еще хранит аромат твоей –
он как будто впечатан в нее, как будто «вставлен»…
о, эти дни и ночи, эти дикие дни и ночи!
я бросил ради тебя любовника,
бросил только для того, чтобы иметь возможность слышать твой голос –
а ты, Крыс, предполагал, будто я все время думал о сексе…
я же просто хотел *слиться*, вот и все – я же просто хотел иной, *другой* жизни!
я мог дать тебе, как ты понимаешь, немало –
и я ничего не требовал. не просил. был счастлив от одного твоего присутствия.
и когда ты заезжал за мной на черной своей тойотке,
встречая у Крымского моста,
я понимал, что сохраню, сохраню в кристалле души
эти мгновения, быть может, на всю оставшуюся…
не ведая, впрочем, сколько осталось:

белые сестры не разрешили дописать письмо –
так оно и осталось неотправленным.
белые сестры знают, как лучше,
потому и прикрепляют к голове моей тонкие пластинки:
день за днем, месяц за месяцем, жизнь за жизнью.
потому и темнеет в глазах, потому и звенит в ушах,
потому и стоит комок в горле да непрестанно катятся из глаз слезы –
впрочем, то лишь поначалу, поначалу…
мне, Крыс, уже значительно лучше, да-да, поверишь ли?
на завтрак дают овсянку с яблоком и тертую морковь с кусочком масла,
в обед – суп или щи, второе, есть вегетарианское меню,
на ужин всегда что-нибудь сладкое…
в холле стоит телевизор – мы всегда смотрим первый канал.
белые сестры очень добры, очень добры и терпеливы –
если б ты знал, Крыс, сколько им пришлось повозиться,
чтобы вычистить всю дурь из моей головы!
они подтолкнули меня к *позитивнутости*,
заставили выкинуть весь тот романтический мусор,
которым я дышал столько лет… сколько же мне лет, дай бог памяти…
впрочем, не важно, не важно:
скоро меня выпишут и отправят в конторку, ведь теперь я свободен,
абсолютно свободен от каких-либо мыслей и желаний.
что такое, в сущности, чувства, как не напрасная трата энергии?
что такое любовь, как не амфетамины, опиаты и ненужный адреналин?..
привет, драгоценный.
прощай, драгоценный.
что, в сущности, одно и то же при «X=0».

…

пациент *на полном позитиве*, –
говорит после завершения эксперимента пан доктор, –
проработанный Zero:
поздравляю, господа!
продолжаем в массовом порядке

опыты по безаперабельному иссечению из мозга кристалла души:
маятнику государства необходим новый тип планктона.

.

2. Уроки мягкого porno (сценарий)

«ну вот
слышь
а потом нас привели
в классную комнату
и несвятойотец
заглядывая в *дело №****
то и дело прищуривался и подкашливал
он будто не знал
с какого боку к нам подойти
мы ведь были с мороза
розовощекие
счастливые
с тем самым с е к р е т о м
запах которого
даже в зазеркалье
не давал ему спать
правда

мы
по представлениям несвятогоотца
должны были б предстать на суде иными
совсем иными
но смущаться даже для *дела*
да что там «даже»! тем более!
не хотелось
и мы улыбались
купаясь друг у друга в зрачках
гладили губы подушечками пальцев
легко достигая
того самого блаженства
о котором написано столько книг
и которое увы
остается для большинства людей
той самой линией горизонта
до которой беги – не беги
порвёшься

но твое отражение
во всех этих картинах
твое отражение
занявшее собой все это пространство
отражение
сочащееся по моей коже
это твое отражение
ликовало
когда наслаивалось на мое
будто туманная дымка
а в ней
видела я
прятался странный зверек
похожий на рысь

слона и черепаху одновременно

господи
шептала я
можно ли быть настолько счастливой
можно разве
быть настолько счастливой от того
что ауры соприкасаются
да не сошла ли я с ума?

тебя посещали те же мысли
я *считывала* тебя легко
очень легко
верь мне
тебе казалось слегка непристойным
обнажать свои чувства при всех
особенно перед стенографисткой несвятогоотца
ей за это платили
не так чтоб много
но на барахло с распродаж хватало
поэтому она выписывала
аккуратно
старательно
выписывала все эти крючки
загогулины
точки
она ведь не понимала
что такое на самом деле
сердечная чакра
не помнила запах сандала
не ведала
к а к это –
касаться языком
нежнейших лепестков
возлюблённой плоти
она просто исполняла свои обязанности
да-да
это называлось р а б о т а т ь
она ведь и родилась
«исполнительницей»
м и н е т

брось
шептала я
какая теперь разница
все равно ничего не изменишь
мы должны взлететь или взорваться
самое главное
это вовремя вспомнить о недорезанных крыльях
они там
там
коснулась я точки G
и обняла твои
пахнущие бергамотом лепестки

тебя это несколько удивило
показалось быть может
даже вульгарным
но я-то знала

что на самом деле
ты хмуришь брови
только «из-за приличия»
а потому ничего не боялась

ну-с
рассказывайте
заговорил несвятойотец
рассказывайте как вы докатились о такой ж.
а мы вместо этого
начали раздеваться
это ведь был подиум
анима-стрип-шоу
какая разница
что в классной комнате висел портрет ленина
в конце концов
и он любил товарища инессу
в конце концов
думала я
он мог бы понять *и это*
наверняка в одной из ж.
он был женщиной
наверняка
поддакнула почему-то стенографистка
а мы рассмеявшись
начали ласкать друг друга
ведь чтоб у души выросли крылья
ее обязательно надо ласкать
и не важно
где
в точке G или еще где-либо
совсем не важно
верь мне

твои движения приводили меня в трепет
казалось
никогда в жизни
не испытывала я такого счастья
не ощущала такой наполненности
и не думала
совсем ни о чем не думала
потому как разве можно думать
если по-настоящему хочешь
улететь с тем кого любишь
туда
где нет ни стенографисток
ни несвятыхотцов
судорожно листающих *дело*
ни классных комнат
с портретом ленина
который тоже конечно человек
но все-таки несколько странный
так скажем
да пожалуй что странный…

милая
слышала я твой голос
милая
как хорошо с тобой

как же мне хорошо с тобой
майн либен систер
и я превращалась
превращалась в один лишь слух
становилась ухом
одним лишь ухом
в нежной раковине которого
переливались будто бриллианты слезинок
страстные твои признания
майн либен систер
«дастиш фантастиш, ja-ja!»

я понимала
что так не может продолжаться вечно
я чувствовала
что точку G
необходимо будто дурацкую к а р т у
активировать
а потому не выпускала
не выпускала тебя из своих рук
а потому вливала в рот твой
изо рта своего коньяк
и он становился твоей кровью
и твоя плоть
и без того жаркая
становилась тебе тесной
и я не знала
не знала
что с этим делать
…но крылья так и не вырастали…

не останавливаясь
я поглядывала на несвятогоотца
и предупреждала стенографистку
что любовное сие биеннале
«всего лишь» произведение искусства
Ars Amandi[1]
чего-чего переспрашивала стенографистка
и я повторяла
повторяла
смешные эти движенья
пока соки твои не вылились мне на ладони
пока не расплескались ароматы твои
по классной этой комнате
где ленин с любопытством наблюдал за происходящим
с высоты воробьиного своего полета
он бедняга
никогда не видел ничего подобного
и даже товарищ инесса
не могла ему в том помочь
слишком много детей у нее случилось
так тоже бывает
можно ли осуждать красавицуумницуитэдэ
в самом деле

милая
пел мне твой голос

[1] Искусство Любви.

майн либен систер
не оставляй меня
не оставляй меня ради крыльев
ведь если они у тебя вырастут
ты улетишь
а я
тут
уже не смогу
уже правда не смогу без тебя
ну что ты
отвечала я
за кого ты меня принимаешь
я не смогу без тебя улететь
ты будешь сидеть на моем плече
не думай о в е с е
я ведь давным-давно свернула горы
веришь?..

вместо ответа
я посмотрела вдруг на несвятогоотца
и ужаснулась
сверкающая серебром гильотина
дрожала в его руках
я и не заметила
как из плюгавенького очкарика
превратился он в того самого великана
описанного тем самым свифтом
ну! ну же!
давай скорей
иначе крышка!
но у тебя не получалось
у тебя вообще редко э т о получалось
так же как и у меня
такое вот мини-уродство
б ы в а е т

а ты уверена что крылья растут в точке G?
твой голос вывел меня из ступора
и я решила сменить тактику
я больше никуда не спешила
я знала
несвятойотец не посмеет к нам приблизиться
до тех самых пор пока
ты не вскрикнешь

и тут
вдруг
внезапно
я поняла
ничего этого не нужно
ни крыльев
ни портрета ленина
в общем ничего *такого*
я слушала биение твоего сердца
и понимала
что с каждым его ш а г о м
все меньше привязываюсь к тебе
что я отпускаю…
(отпускаю пульс?)

и как всегда
дарю тебе
небо и звезды
луну и солнце
ведь как ни крути
они всегда были тебе нужней всего
так наверное

не плачь
убаюкивал меня голос
не плачь любимая
мы не расстанемся
даже если никогда не увидимся
и ни одна стенографистка
и никакая инесса арманд
не наставят нас на «путь истинный»
и даже господин свифт
придумавший *все это давным-давно*
но поручивший записать *только сейчас*
конечно тебе…

…я проснулась от звонка
я вспомнила
что видела
как ты приходила
в полдень
четвертого
я
как живая
лежала в постели
перед которой выстроился ряд смешных пузатых бутылок
подойдя к двери я
как живая
подумала
как же можно встречать тебя неумытой
это не страшно
сказала ты
и заплакала
и тогда я поняла
что в этой ж.
есть нечто такое
что многим ей-богу не снилось
и обняла
обняла девочку
без кожи
танцующую на шарике
почти гениально

…если б не так аритмично».

Денис БЕЗНОСОВ
Denis Beznosov

панический душ

конт канат и контрабас
бац! бас
пост в субботу в среду сразу срез
пан берет коль альт тропики труба
рези в желудке желуди жалюзи рубах
похоть хоть бухт - бах!
разум с зонтика в слезах слез
снится соба-
ка(кая?) слепая на один гла-
з хромая на один зу-
б она только прилегла
без разрешения внизу
под лестницей в костре устрицей в поясницу
ню
поясню:
поместится мост
между (вертится) креслом (крутится) и - ценю
-
комнатой канта оставил мозг
бронзовые брызги бровей на губы крылышками
шлепает воробей бей вора мне
по щеке контрабас накрыл (ишь как ми-
ло!)ктем на ремне
болтался барахтался палец полная солонка
как раз летела мне промеж душ
кап кит кап кот кап конт как слон кап
и по диагонали гнали между
машина прохудилась пополам на раз
два три прочистите воротники
плотникам плоть на ком пить - пли!
плитки шоколада что в рот ни кинь
все без толку только пан и конура
ныряй
канат струна странно канет танк
контрабас оробел побе(жал)лел муляж
жаль в копоти купался фонтан к
кому конт канат тому
ля-ля
шшш

почему. если

jolifanto bambla o falli bambla
h.ball

1.
пепел падает пятна на плоскости
полулежа слипаясь всерьез
расползаются полые полосы

плоско пятится тонких ног но
волокно на булавке окно
сплошь волос

ластоногие голые был блед- поток
-ный на наволочке крест на крест
хруст стекла носовой из-под лепета
вверх платок кареглазый блокнот
от потом мухи брали окно
и делили на треск

скрип и пустошь отпустишь за что еще(?)
карусель расслоение слов
восстает тело режущих-колющих
расслоение стелет на стол
изо рта вылетает насколь-
ко глаза замело-занесло

2.
белая статуя в перчатках каменный комар и стол
деревянная дверь на лестницу и железная
дверь на площадку где за волосы повесили
мертвого человека weh unser guter kaspar ist tot
некому некуда вращается ветер иже еси
если есть если

покрытую паутиной подушку разрезать ножом
или бритвой (что там у вас?) пополам вытри губы
носовым платком под стаканом ось гаммы
сместилась музыка вынесет на мажор
удушье штор приоткрытых клапанов и кубарем
полетит под чашку мозга

пока розгами роется в небе муравей монтаж
плоские лица льются по тарелке вместо
имен напиши названия речек
крупный план марионетка заикается поворот винта
вокруг раскрытого зонта по три раза в месяц
вместится вечер

он будет кормить соломенных рыб обугленной
листвой
крутить мизинцем свастику кофемолки в обратную
сторону перьями под кожу внизу ба-
рахтается скошенной шеей шелест ствол
пришили к подбородку (если будет) обрадованный
висит с одуванчиком в зубах

ворона

вкрапленные акры ковры крыс кровлей кроме
в фотокамере комары кадры кубы
кудри кратеры катера когти карт
корки квадратные корты ко рту
куртки руки крошится мирт март
варится ритм крупой парк рак
брик григ брак блок глюк бряк грак

краски закрутились
крышка коробки
короткие
крик рев икр
кран ни к р-
арзным знак
на выкр-
ик
так
к

Эдуард КУЛЕМИН
Edward Kulemin

* * *

Первым вернуться, чтобы найти полиэтиленовый кокон.
Возникновение видеть, как раскрепощаемый ужас.
Супердитя, где уже нарядилось застолье.
Явно в глазах его несоответствие месту
подозреваю, но им назначается время,
и появляется папа, и тычется в дверь, умирая...
Я ли ни это открытие, или обильные пальцы
жаждут дебюта не им уготованной рвоты.

новые

Вторая станция после моста.
Несколько километров пешком
по гравию... Двое... Они предста-
вители разновременных школ.
Пришли оттуда. Идут туда.
Размеры первичных ног
бдит кратковременная вода,
вдавленная в песок.
Еще и уже повторители нас
(в масштабе один к скольки?)
при проецировании на
рельефный намек реки,
сгущающий злак перспективами рос.
Такие в такой среде.
Их кровные профили есть вопрос
решенный и здесь, и где
в игре направлений зигзаг – акцент.
Прицельный инстинкт ловца –
всего лишь сырье в расфасовочный цех,
продукция чья – пыльца.
Пока не уверены в том, что про-
зрачность имеет вес,
они испускают глазами ос,
и осы несут им весть

высокочастотную, как курсив
сопутствующих реприз,
опровергая «от сих до сих»
прорывами вверх и вниз.

Ближе

Когда это начало течь,
и время стартующих запахов,
приобретая повадки, теряло речь,
мы просто свернули за угол.
Глазницами свеч
застигнутое
превозмогало зрачки,
но не становилось стимулом.
Не зная за чьим
                    дыханием
                                первенство,
мы сочли,
что лучше оставить свой вес и довериться раненым.
Их рубцы
поили нас соком невест,
содержащим сиену и цинк
восклипросительных мест.
«Цыц!» - говорило нам обу-
словленное, но мы,
расшнуровав свою обувь,
целовали смолу и любили ногами стволы,
чтобы
прочесть водяные знаки
в сквозном кракелюре крон,
знаменующие воскресение собаки,
презревшей понятие «тайком»,
и не оказаться слишком
медлительными в строку,
где вспыхнет внезапно спичка,
подброшенная к потолку.

* * *

Сморкаясь в руку, но не ради...
(С какими мыслями при этом?)
В целенаправленном заряде
кому куда, а мне надолго.
И если честно, то... А впрочем,
возобновляемый на тонком
взлохмачен и сосредоточен.
непредсказуемостью текста.
Параграф первый: a priori.
Параграф вынужденный: место.
Процесс свечения в миноре.
Их ровно столько, сколько было.
Листая старые подшивки,
святая миссия тротила
осуществляется на пшике.

Зачато тающее войско,
о чем свидетельствует цикл.
Запрограммированы свойства.
И, как всегда, немного цифр.
Сто пятьдесят, салат и шницель,
согласно купленным билетам.
Свернуться, чтобы сохраниться.
Прошу считать меня... с приветом...
конь b4-c2 (вилка)...
И дальше что-то в этом роде.
Но ты-то как сюда проникла?
(см. строку на обороте.)

Антон ВЕСЕЛОВСКИЙ
Anton Veselovskiy

* * *

со стихами и страхами не можешь себя осадить
открываешь вконтакт закрываешь себя в сети
от немых ответов горло уже саднит
но дыханье транслирую в чьи-то сады

говорил о мальчике но пришла девочка с бородой
личное не излечил покалечил словами лишними
что ж возьму себе спасительный валидол
от сердца и мыслей прошлых и нищих

в съемной квартире накрыло лето объемное
в полоне полета вопли запили пивом
кто-то лишится общаги ну а кто-то дома
недоступного ни для каких порывов

редакцию не исправишь, будь ты хоть сам корректор
но стоять нам не против
вектора ветра
а за
ветер

Peter WAUGH
Питер Во

Питер Во - английский поэт, много лет живущий в Вене. Он родился в Лондоне в 1956 году. В обычной жизни работает как переводчик и преподаватель английского языка. В поэтической жизни - один из ведущих экспериментальных поэтов мира.
Пять лет назад в Македонии мы вместе с Питером и бельгийским поэтом Филипом Меерсманом образовали группу экспериментальной поэзии ДАстругистенДА и с тех пор время от времени выступаем в разных странах. В частности, в прошлом году наша группа была специальным гостем на Первом Европейском фестивале слэма в Берлине. Мы читаем вместе, поочередно и индивидуально. Но непременно совместное исполнение программного текста Питера *Be More Radical*. Этот и два других ярких текста Питера, я думаю, по достоинству оценят наши читатели....

Сергей Бирюков,
Бивуак Академии Зауми, Средняя Германия

Be More Radical

BE
BE MORE
BE MORE RADICAL
BE MORE RADICAL NOW
BE MORE RADICAL NOW YOU
BE MORE RADICAL NOW YOU NOW
BE MORE RADICAL NOW YOU NOW ME
BE MORE RADICAL NOW YOU NOW ME
BE MORE RADICAL NOW YOU NOW
BE MORE RADICAL NOW YOU
BE MORE RADICAL NOW
BE MORE RADICAL
BE MORE
BE
BE
BE MORE
BE MORE RADICAL
BE MORE RADICAL NOW
BE MORE RADICAL NOW YOU
BE MORE RADICAL NOW YOU NOW
BE MORE RADICAL NOW YOU NOW ME
BE MORE RADICAL NOW YOU NOW ME
BE MORE RADICAL NOW YOU NOW
BE MORE RADICAL NOW YOU
BE MORE RADICAL NOW
BE MORE RADICAL
BE MORE
BE
BE
BE MORE
BE MORE RADICAL
BE MORE RADICAL NOW
BE MORE RADICAL NOW YOU

BE MORE RADICAL NOW YOU NOW
BE MORE RADICAL NOW YOU NOW ME
BE MORE RADICAL NOW YOU NOW ME
BE MORE RADICAL NOW YOU NOW
BE MORE RADICAL NOW YOU
BE MORE RADICAL NOW
BE MORE RADICAL
BE MORE
BE

BE BE
BE MORE BE MORE
RADICAL RADICAL
BE MORE RADICAL NOW NOW
BE BE
BE MORE BE MORE
RADICAL RADICAL
BE MORE RADICAL NOW NOW
BE MORE RADICAL NOW NOW

Vienna
15th April 2004

Rub the Lamp

Rub the lamp and see your reflection in the golden brass
Rub the lamp and your childhood genius reappears
Rub the lamp and your lover stands there beckoning
Rub the lamp and William Blake frock-coated strides across the heath
Rub the lamp and the darkness of silence becomes deafening then bursts into birdsong
Rub the lamp and watch the grass grow, lush wet and blue in the morning mist
Rub the lamp and the sunny lawn is mown at a stroke of sunlight from cloud
Rub the lamp and the bigot is mute
Rub the lamp and the tyrant is dead, assassinated as he drips his poison into the people's ears
Rub the lamp and the flag is burnt to a cinder
Rub the lamp and the word disappears completely,
leaving a pool of black water in a puff of smoke
Rub the lamp and behold a way through the forest, light through the trees
Rub the lamp and hear the slashing of rain on the ocean roof
Rub the lamp and write nonstop for three days
Rub the lamp and write nonstop for three weeks
Rub the lamp and write nonstop for three years
Rub the lamp and fly there and back on a cheap hour return
Rub the lamp and walk past the shelves of a vast library
Rub the lamp and go to the poetry section
Rub the lamp and under 'L' find a book in 7 volumes by the Lux poet entitled 'Rub the Lamp'
Rub the lamp but be careful about the blisters
Rub the lamp – rub the lamp yourself!

25.8.00

I Write, Therefore I Am

I write because I write
I write because it’s a quick fix
I write because I must
I write because I seek an answer
I write because I love to eat fish
I write because my father said: ‘Don’t!’
I write because I die
I write because of the history of poetry
I write because I can’t stop
I write because it’s what I do
I write because I wrote
I write because the sentence has not yet come to an end
I write because it’s always a beautiful day but YOU can’t see it
I write because I was a paper boy in ’68
I write because my eyesight was too bad for me to be a Fleet Air Arm pilot
I write because I couldn’t give it up
I write because it is my longest-serving friend
I write because all things are transient
I write because my father never listened to me
I write because my mother always listened to me
I write because I want to preserve the present as the past
I write because I am a camera
I write because it is an adventure
I write because I am a perfectionist, the world is imperfect
                    and poetry is an approach to perfection
I write because the road of a thousand pages begins with a single letter
I write because of the Beats
I write because of the Mersey Poets
I write because they came to our school to give poetry readings
I write because it was something different to do
I write because nobody else did
I write because it was a dare
I write because it always gives you something to do when you’re waiting
I write because I wanted to rebel
I write because I read *Ariel* in the school library and then stole it
I write because my life’s development stopped at puberty
                    and I have tried to remain a teenager
I write because it’s a cheap hobby
I write because cannabis and LSD opened my mind to the secrets colours of Otherland
I write because I read an purple-covered anthology by Geoffrey Grigson
                    with poems by Ginsberg, Ferlinghetti, Corso, Popa,
                    Adrian Henri, Rimbaud, Apollinaire, Baudelaire
                    and it blew my mind
I write because it’s fun
I write because I can write
I write because I can’t write
I write because it’s Sisyphus work and I’m a masochist
I write because it’s easy I do it off the cuff and I’m lazy
I write because I dream of being rich and famous
I write because I’m bored
I write because I love YOU
I write because I can’t express myself in any other way
I write because it opens my eyes, my ears, my heart, my mind
I write because I don’t know why I write
I write because I want to wrote just one great poem
I write because I don’t understand life
I write because I’m afraid of death

I write because I want to escape
I write because it’s a habit
I write because I used to make comic strip books when I was a kid
– my masterpiece was called *Drago the Gunslinger*
I write because it’s a way to create and keep secrets
I write because it tells me new things
I write because poetry is a mirror
I write because others have before me
I write because I believe the world needs to be changed and I can’t do it
I write because I hate 1st world capitalist imperialism
I write because there is no scientific formula for the sound of the rain
I write because I believe in magic
I write because I grew up with the Beatles, the Stones and Bob Dylan
and was captivated by the spirit of their songs
I write because a voice inside talks to me when my mind is silent
I write because it is an act of self-affirmation
and I like breathing rarefied mountain air
in long deep breaths
I write because the poem is a journey and I am a traveller
I write because it opens windows and doors
I write because it’s a sexual act
I write because I don’t have any children other than hundreds of poems
I write because I’m addicted to poetry and I don’t want to kick the habit
I write because I can’t play any other musical instrument
I write because it’s a way to explore myself
I write because I love to lie with truth
I write because I’m a gatherer
I write because I follow the Great Spirit
I write because it used to get me girls
I write because it sets me free
I write because I’m a Houdini
I write because it relieves the sadness
I write because it heightens happiness
I write because I am obsessed by writing
I write because I can’t think of anything else to do
I write because it lets off steam
I write because it makes me feel like God
I write because it gives me a place to hide
I write because I am timid as a deer
I write because I am fearless as a lion

Vienna, 29.11.02

Philip MEERSMAN
Филип Меерсман

Wasser gedicht

Wie man das machen musse: fur 3 stimmen. (2 stimmen 1 und 3 und stim 2 tsuzammen ist auch moglich), "H" lang angeblazen, "h" kurtz angeblazen, "O" ist eine O laut, "o" ist eine o intimus

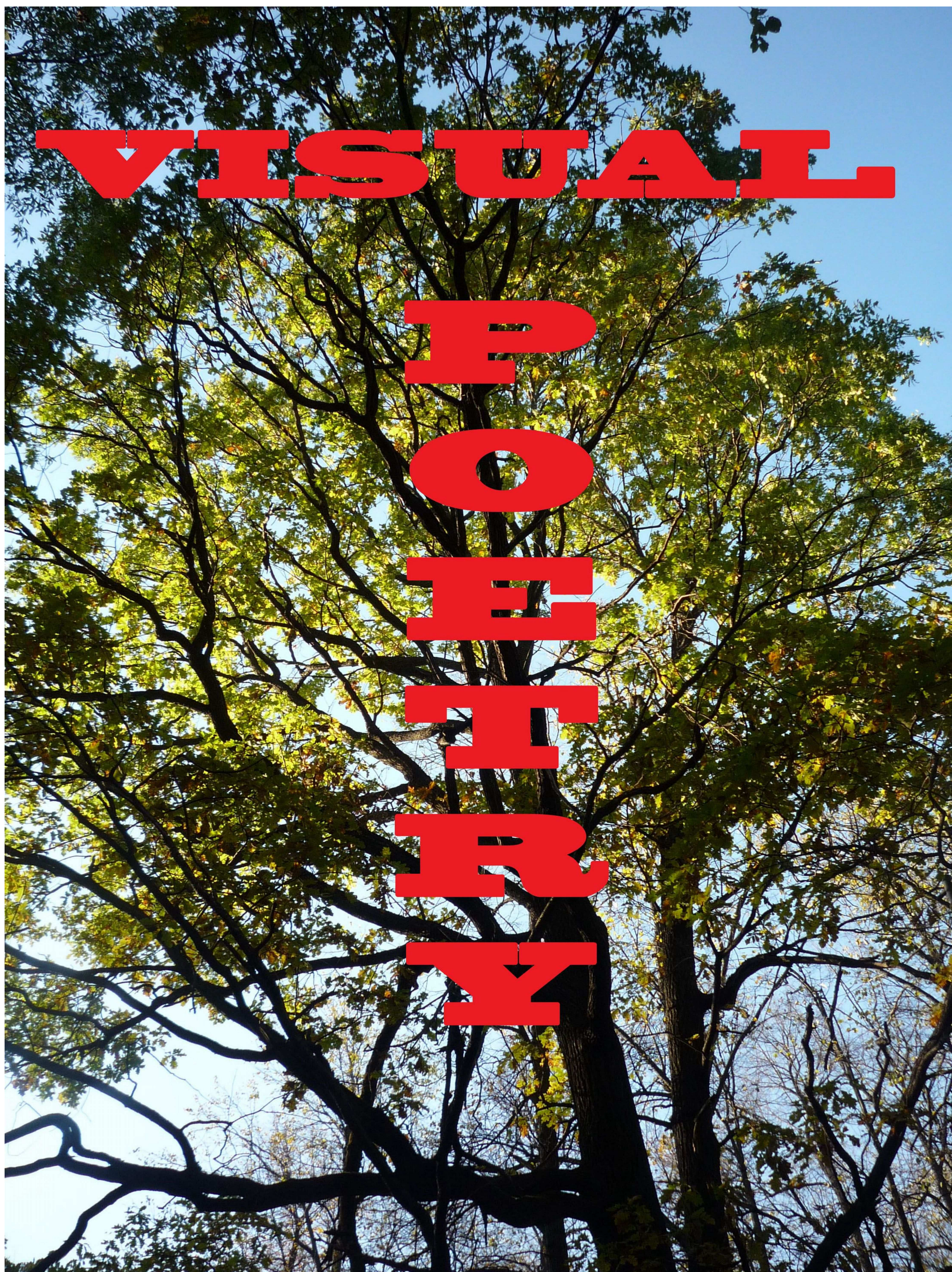
1	2	3
h		
h		
		o
h		
h		
H		o
h		
h		
		o
H		o
H		
H		
H		o
H		o
H		o
H		o
H		o
		O
h		
		O
		o
H		o o
H		o o
		O
h h		
h h		o
[1 und 3 sehen nahr ein ander]		
h h		o
h h		O
[1 und 3 sehen nahr ein ander]		
	[1 und 3 sehen nahr ein ander]	o
h h		o
	[2 komt]	O?
H	2	O
H?	2	O?
	2!	o?
h h	2!	o o?
H	2	o
o	2!	hh hh!
H2O?	h2O	hhO
o?O!o!?	2!!!	h2o

Lätsten Tag

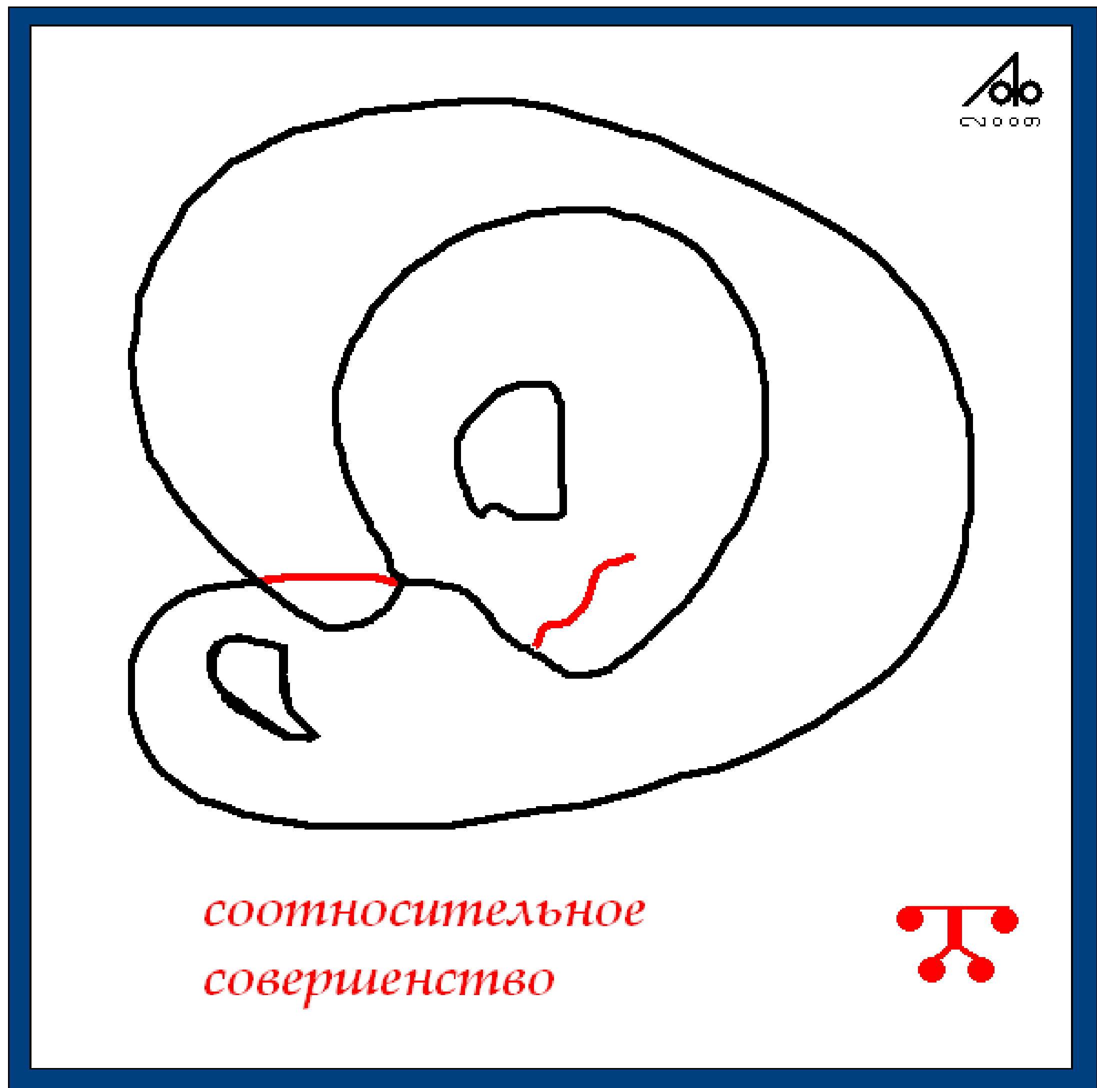
(Lätsten Tag (tempo: must be read like a mar(s)(ch) => 1 line is one step))

Qorrat
el ain
nür
ein
al-
lein
mein
apfelkopf
skop-
ska
stru-
ga
tak
dahr
wahr
sein
dé-
zzz-
zzz-
zzz-
zzz-
zzz-
zzz-
zzz-
zzz-
-
orga-
ni-
sie-
rren
mein
sein
i-
den-
ti
teit
bleift
dahr
dorth
mucht
sucht
aaach
chchchch

tsss-
ssss-
ssss-
ssss-
sssj
-
Güt-
ten-
nacht!

ALEXANDR FEDULOV – TIM GAZE – SVETA LITVAK – EVGENIJ V. KHARITONOV – EDWARD KULEMIN – ALEXANDR OYKO – VADIM NOSTAL

слово есть рьцы
глагол есть йот
букибукибукибукибукибукибукибукибуки
иже
рьцырьцырьцырьцырьцырьцырьцырьцы
ю
како
он
веди
ук
аз

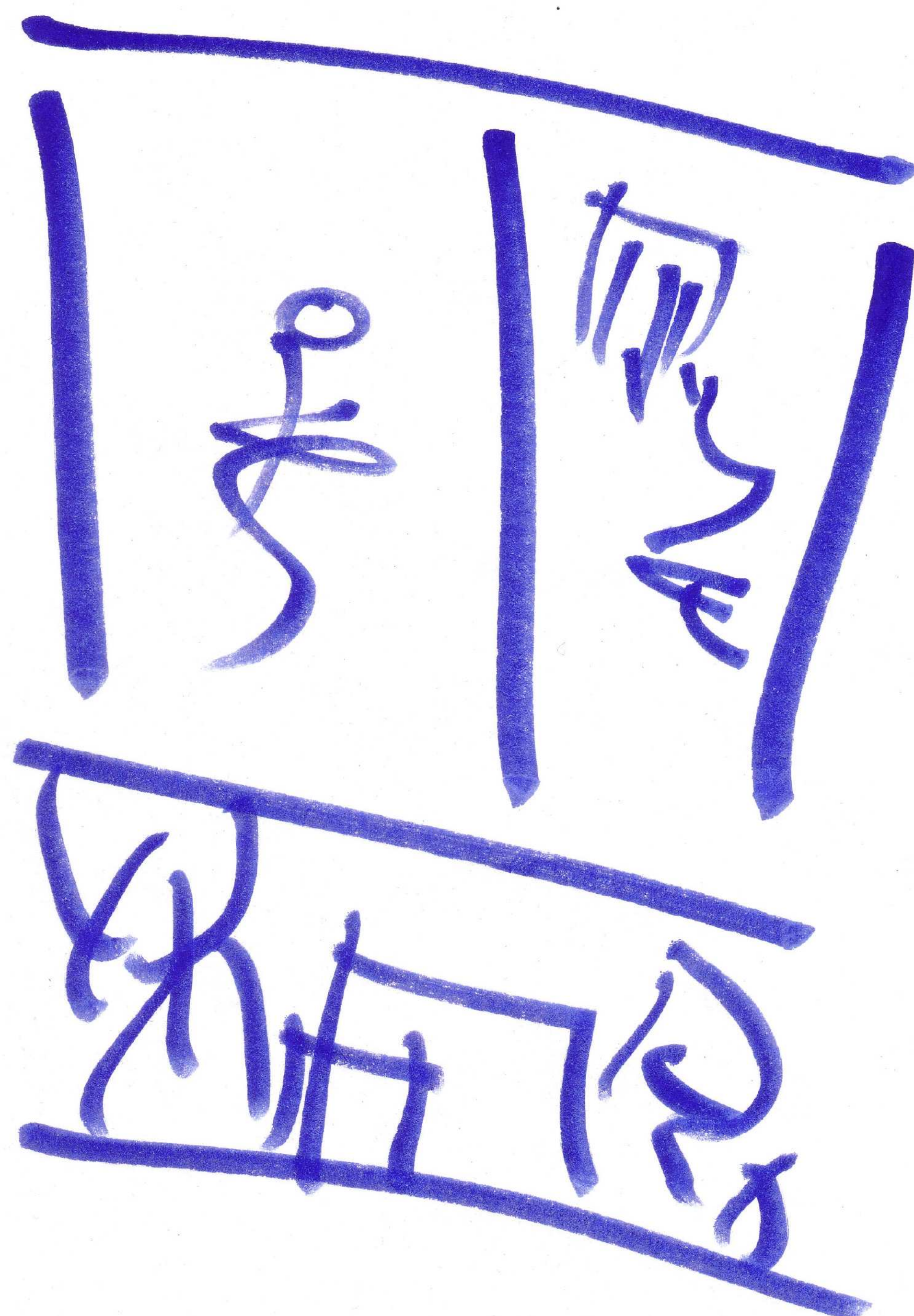
семио тика
ероп лан
роль
гог ен
едр ёнть

сирень струится сквозь стекло
ещё не вывихнутых рам
рубеж размечен резаком
где гул – где гам
его – её
йо!
аутентичен детским снам
забор с шершавым языком
и немочь – будущий юпитер
явлен под ним как сумма литер
сирень – развалины – сирень
и сумерек смыкающихся храп
ещё жива луна, ещё струит арап

19. 05. 10
Саня

Tim GAZE
Тим Гэйз

STORY I

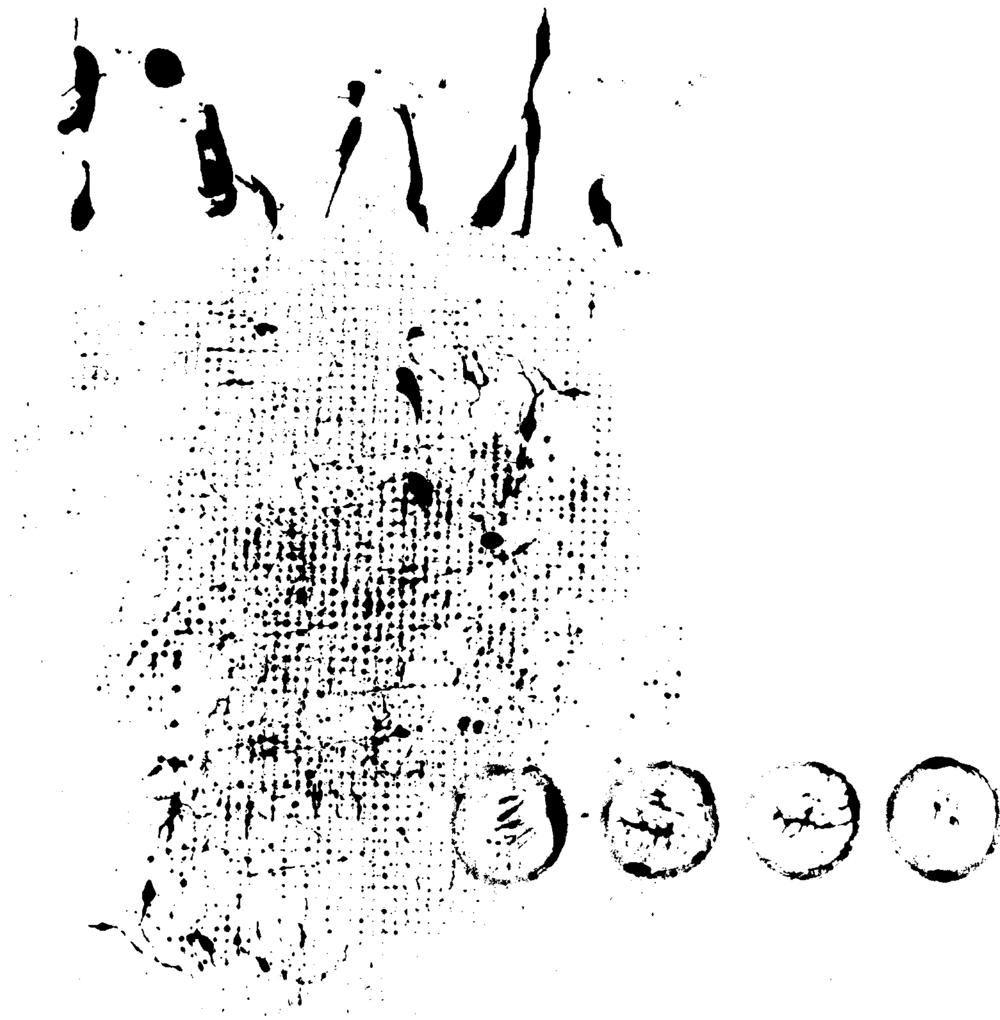

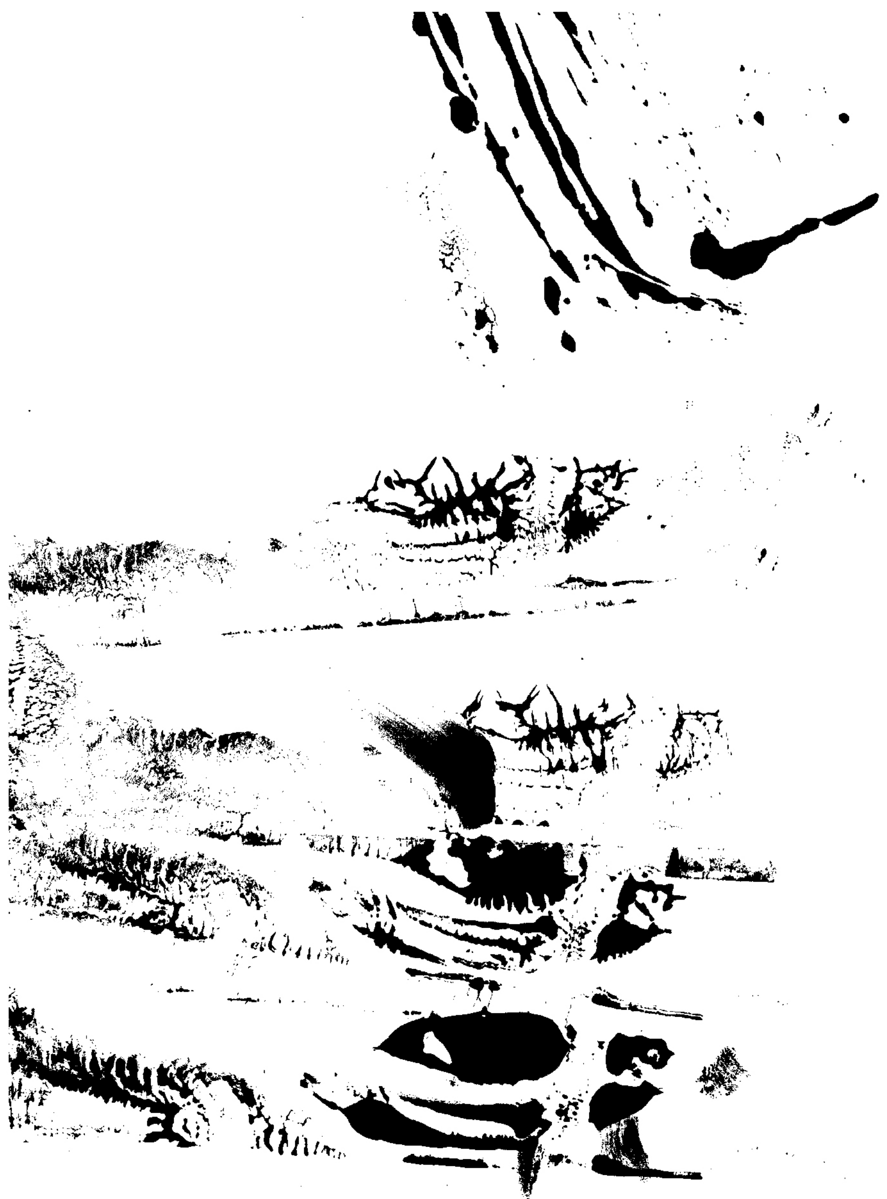
STORY II

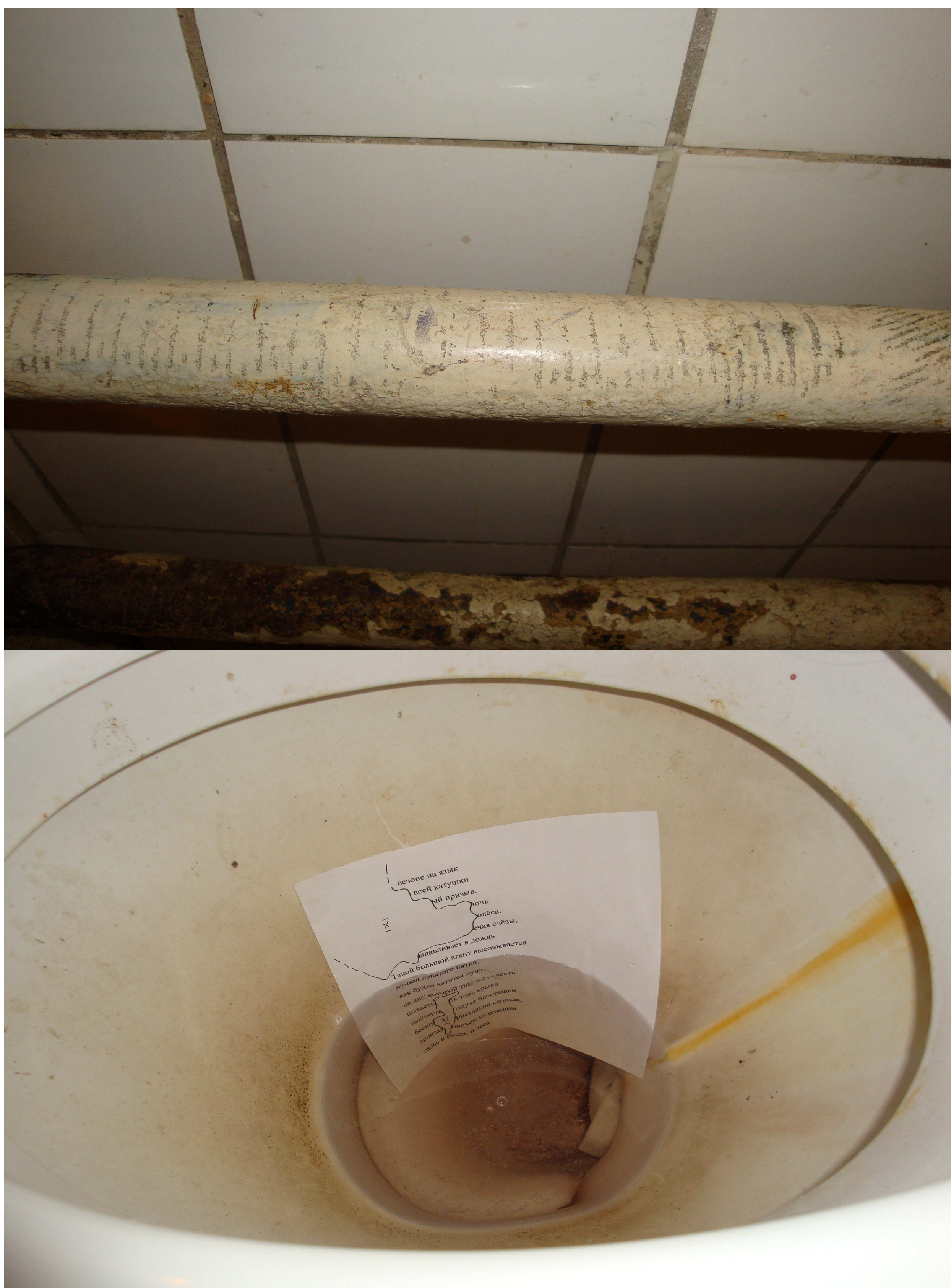

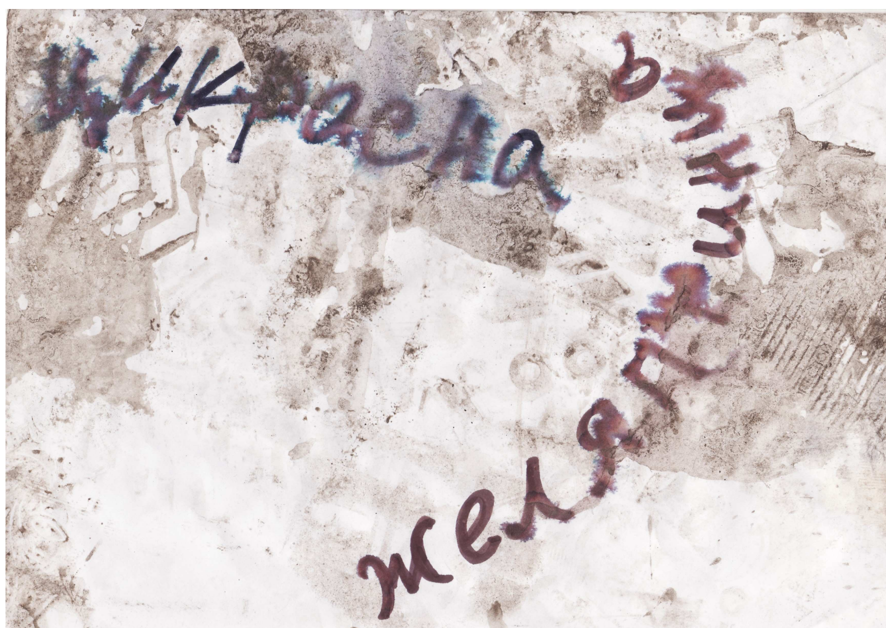

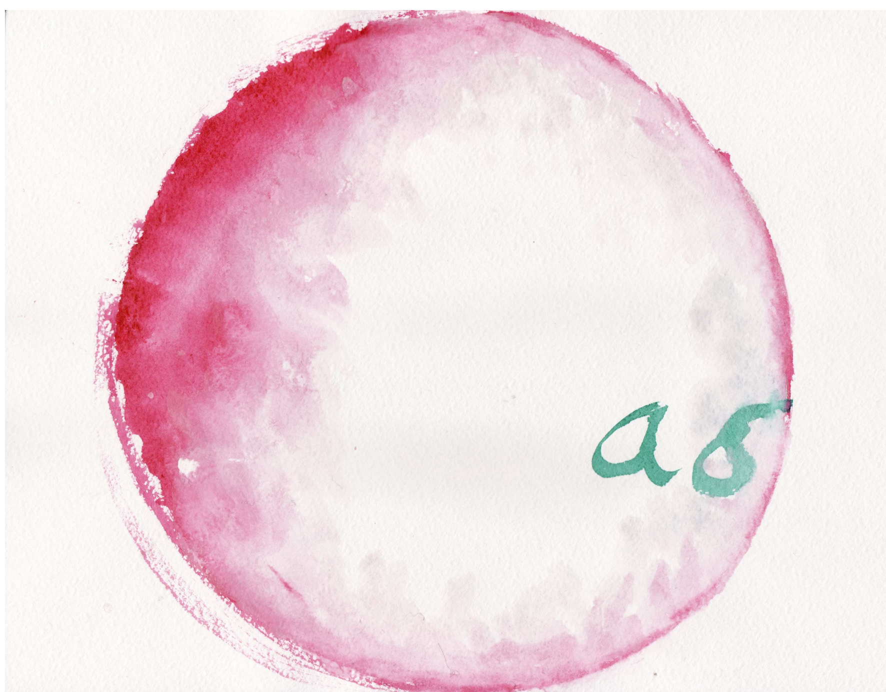

сезоне на язык
всей катушки
ый призыв.
олёса.
ечая слёзы,
ыдавливает в дождь.
Такой большой агент высовывается
из-под девятого пятна,
как будто катится луна,
сады, и рощи, и леса.

БУ ИЗСТЬ

Щикрасна
желя

аб

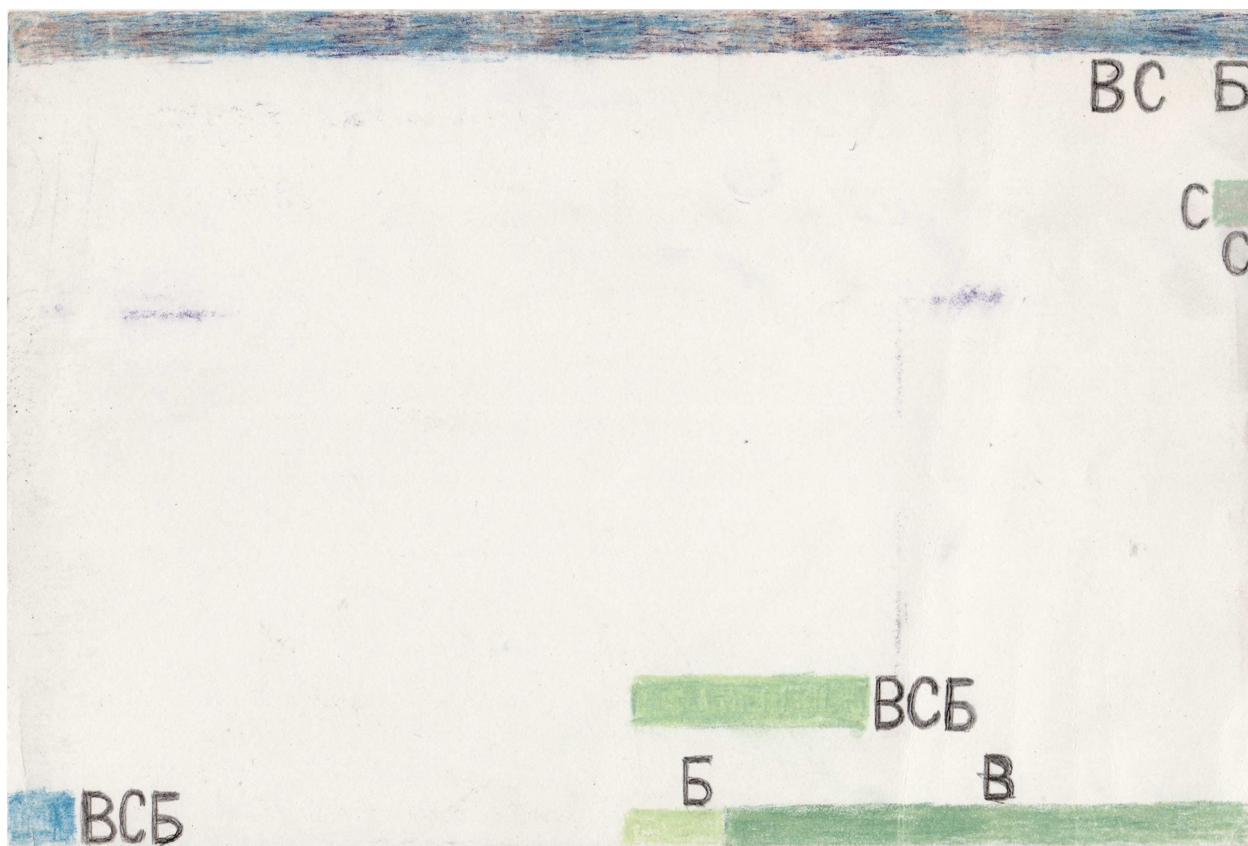

сядомао
гоу-гоу
атьрек
над
ват рип
ВОЕН ЕБОН

ТПОРГ

ПОЛАМИ

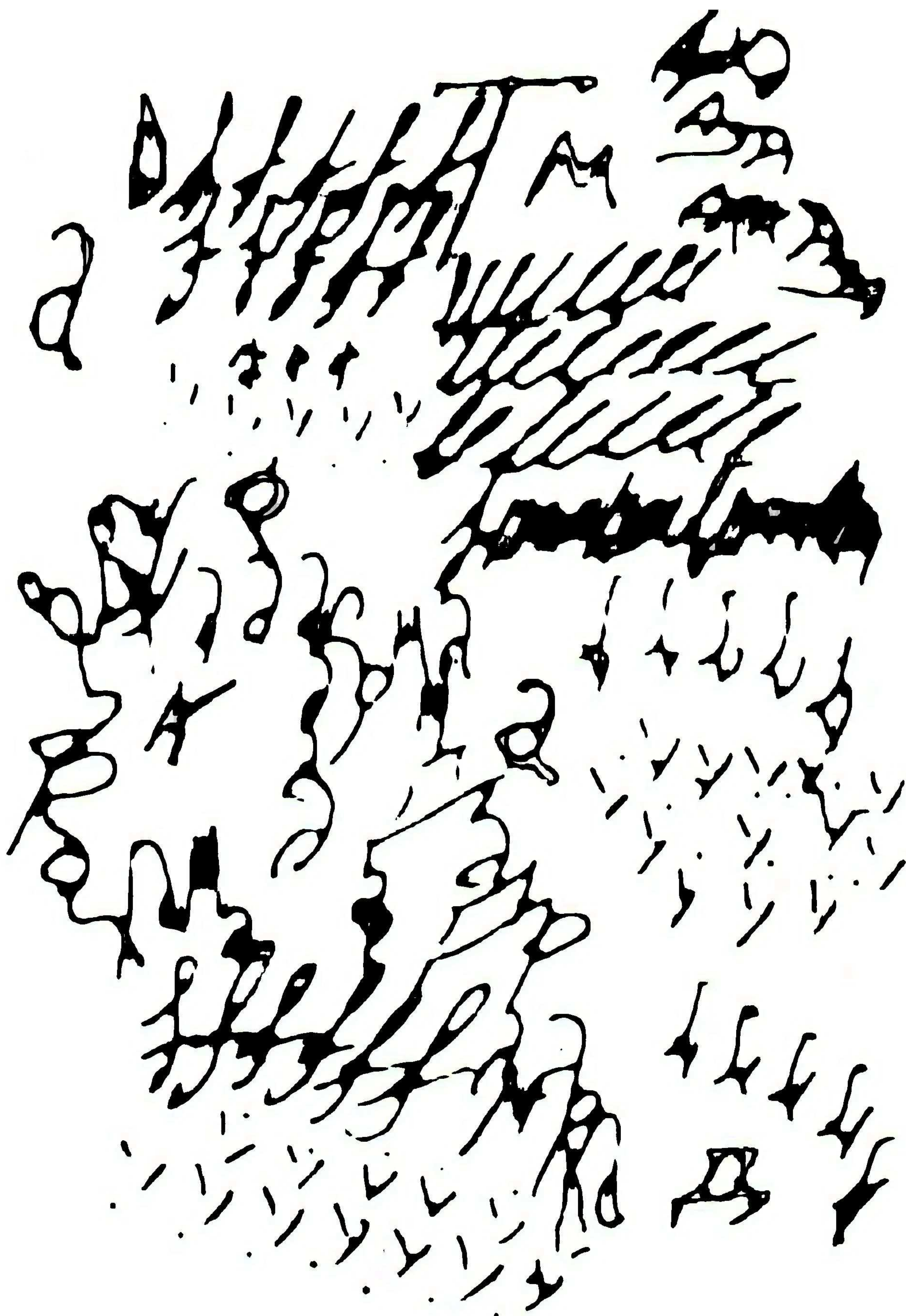
ПОД

МИЦУБИСИ

ВС Б
С
С
ВСБ
Б
В
ВСБ

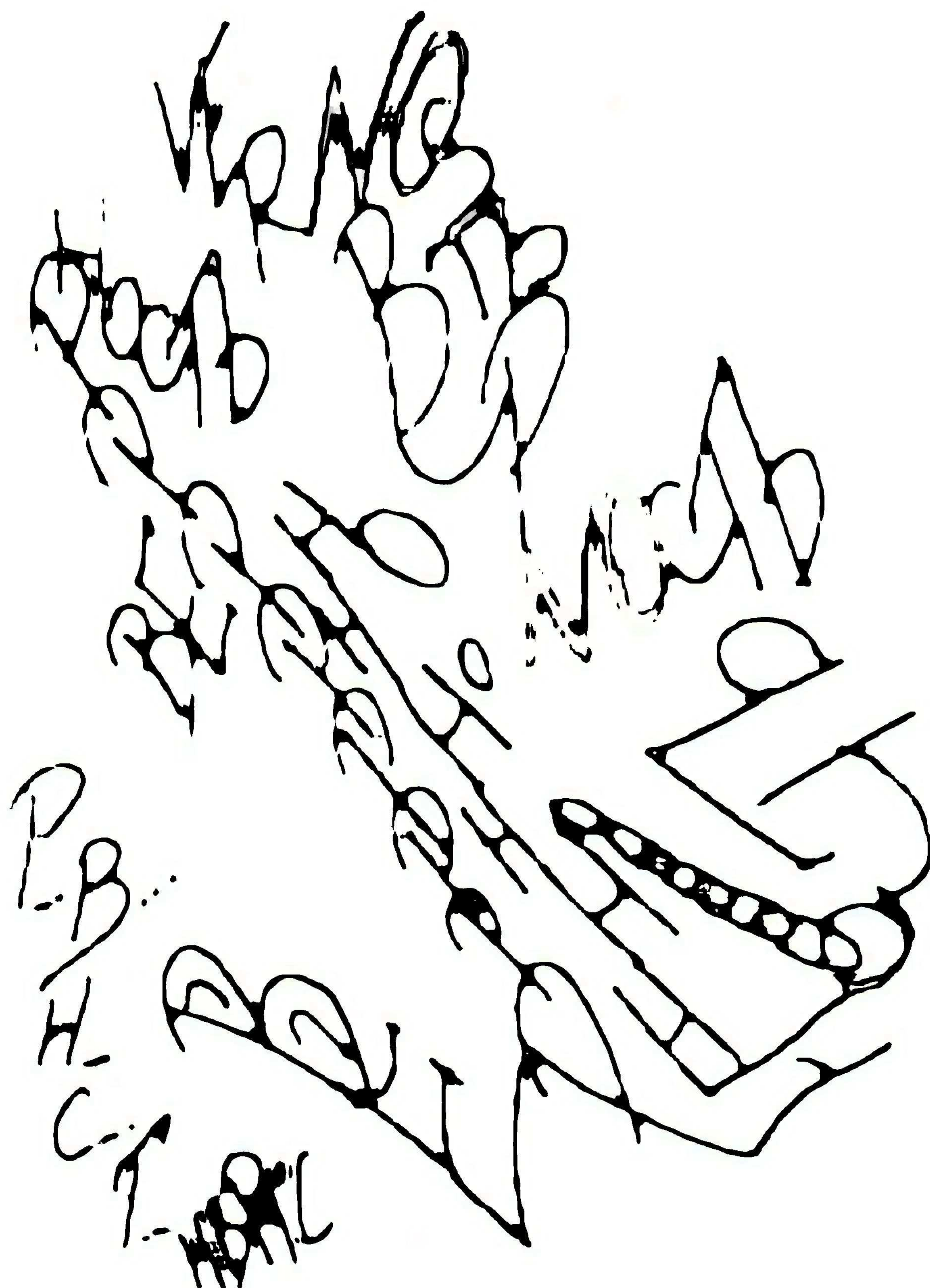

ИЗУЗА
ПЕРИЛА
эскизы

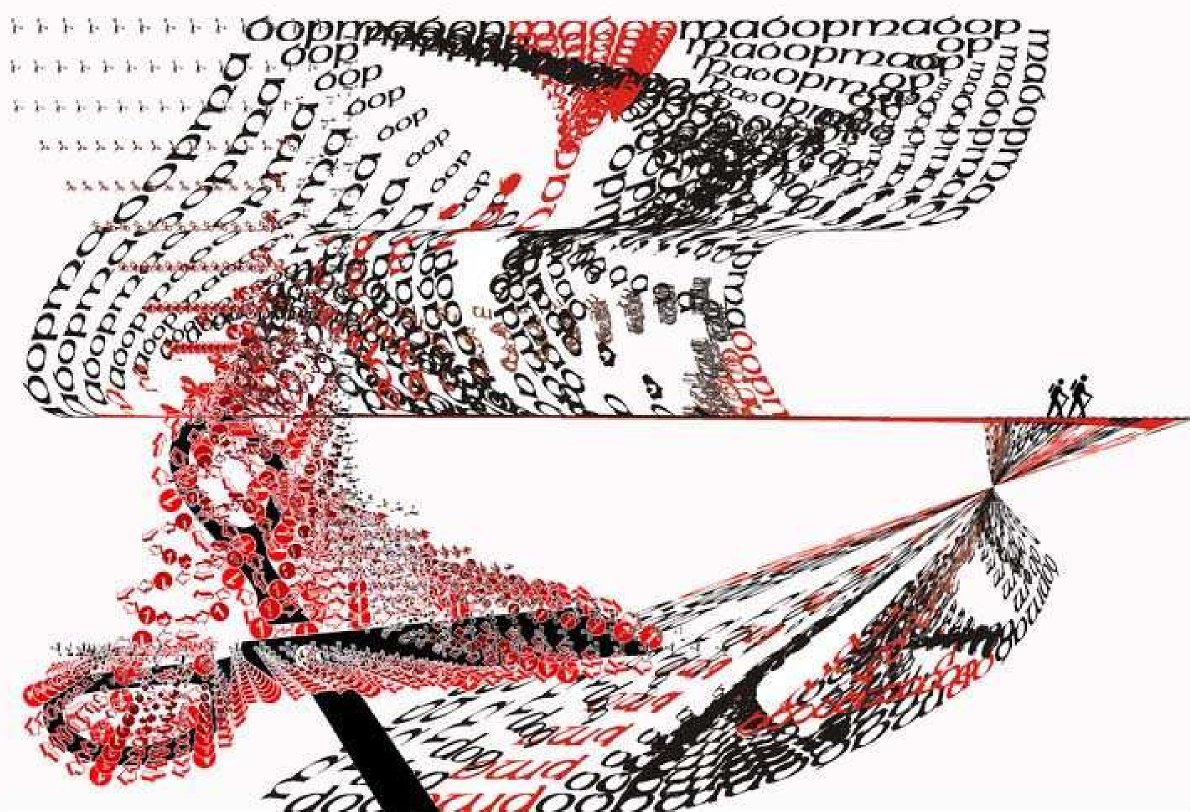

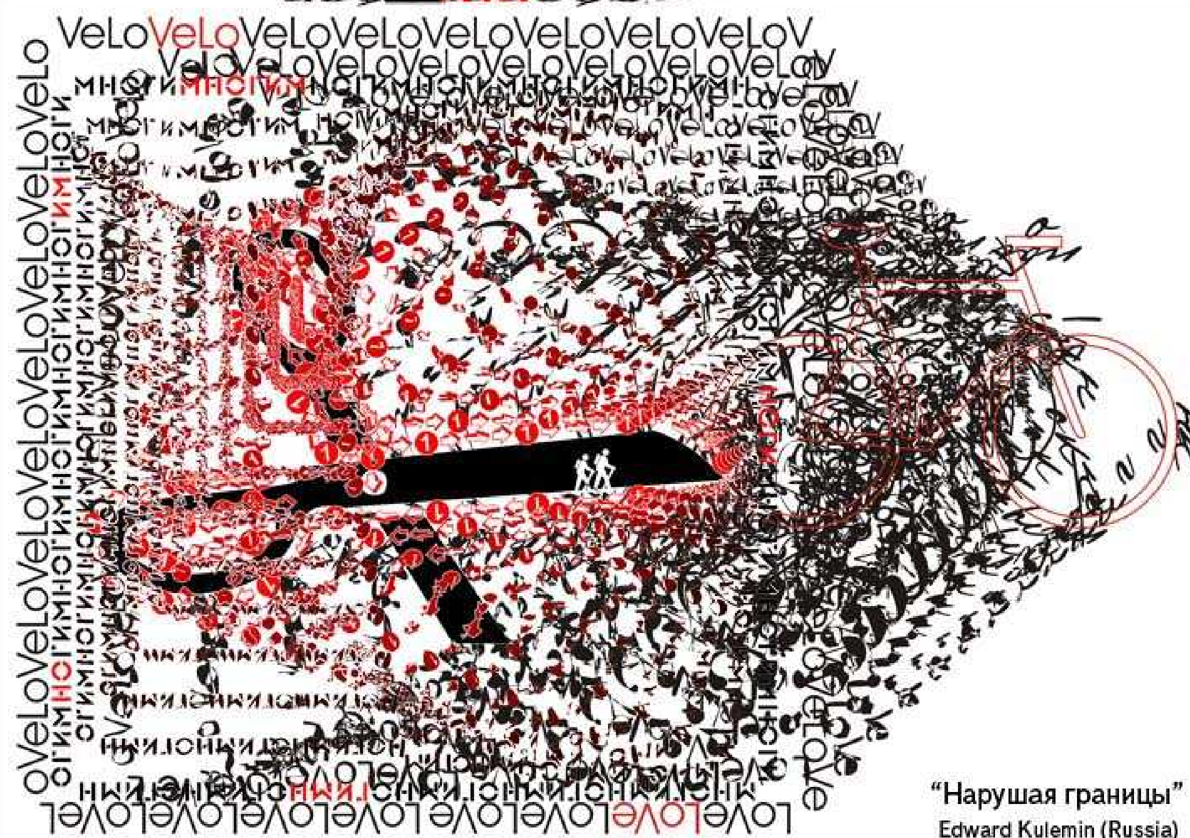

Эдуард КУЛЕМИН
Edward Kulemin

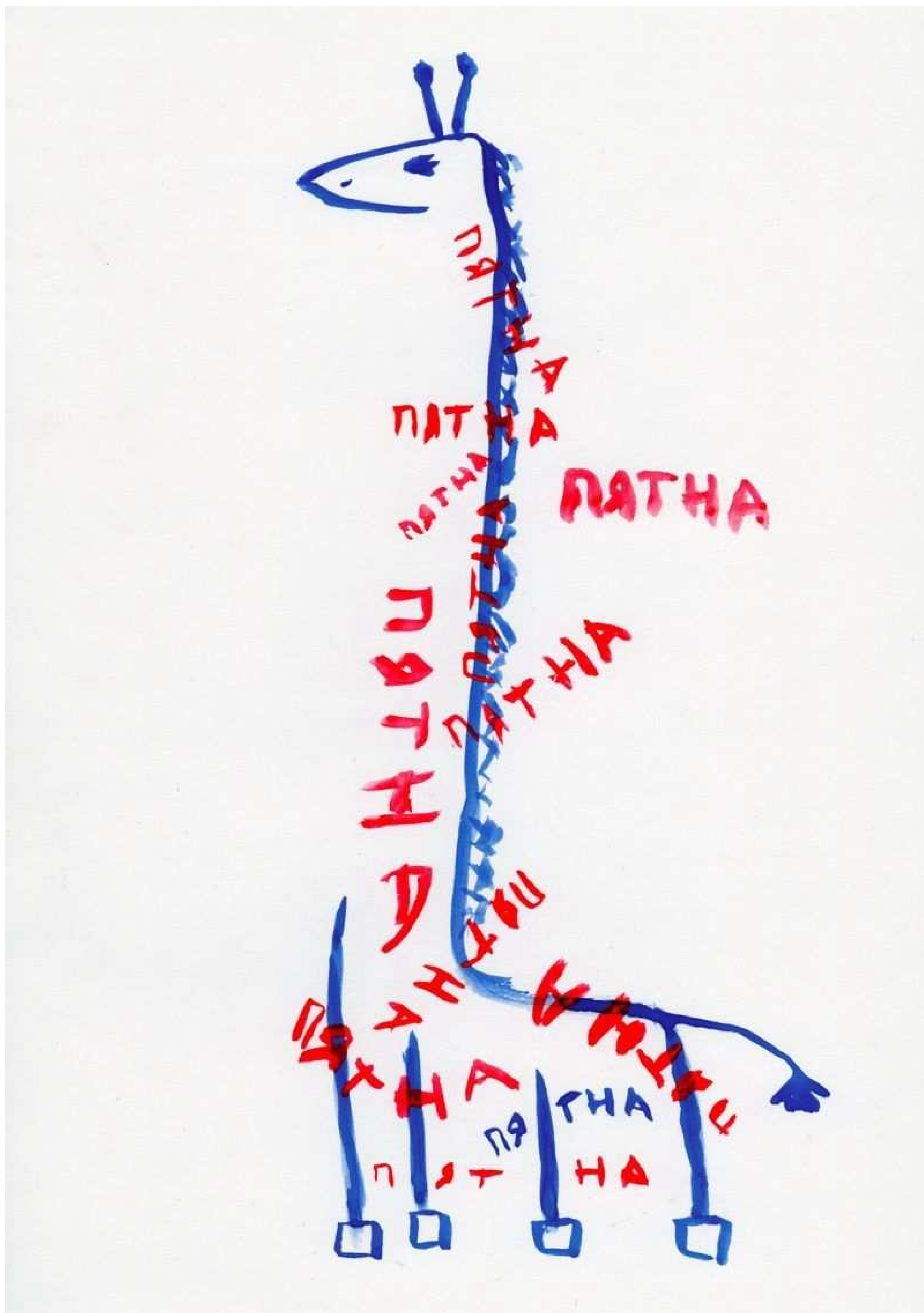

"Нарушая границы"
Edward Kulemin (Russia)

ЖИРАФ ИЗГИБ
ЖИРАФ ИЗГИБ
ЖИРАФ ИЗВИТ
ТОНЧАЙШИЙ ВОЛОС
ВЕТОШЬ ЗАМША
РАФА СПЯТ
ЖИРАѲУ СНЯТ
ЯЗВЯТ И ЛЬСТЯТ
ЖИРАФУ ПЯТНА

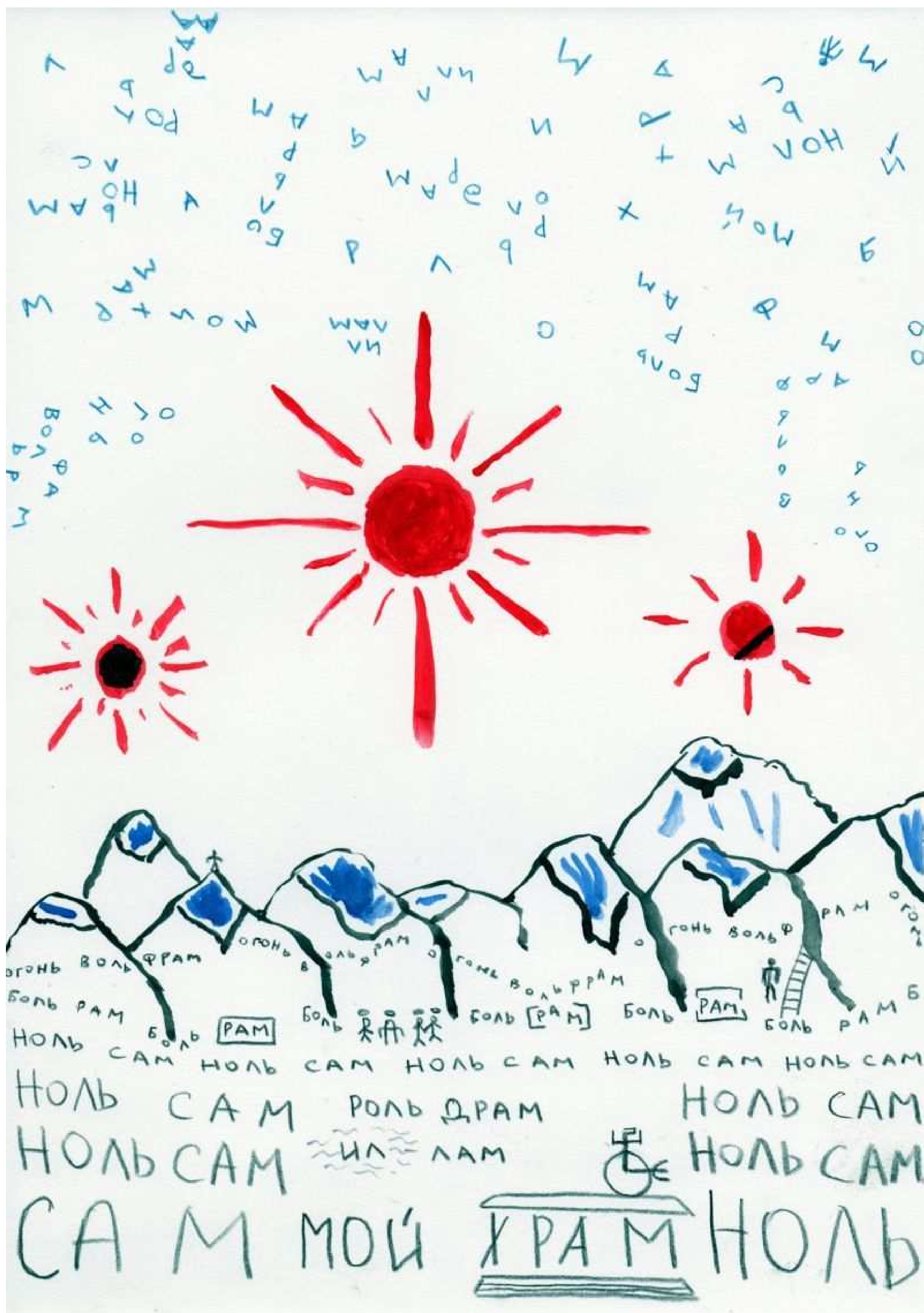

ПЯТНА
ПЯТНА

Красная Тряпка

17 – 31

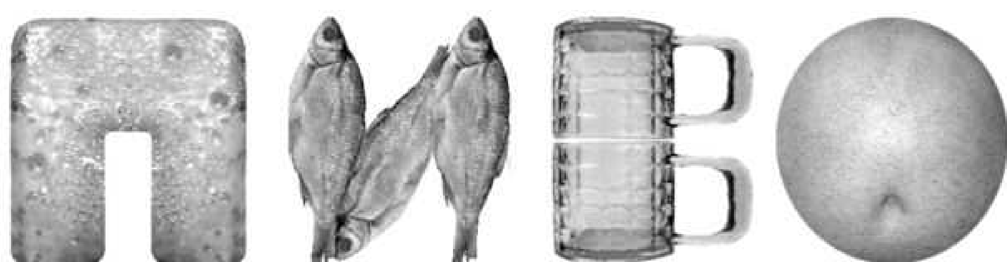
9

14 0101...

ОГОНЬ ВОЛЬФРАМ
БОЛЬ РАМ
НОЛЬ САМ НОЛЬ САМ НОЛЬ САМ НОЛЬ САМ НОЛЬ САМ
НОЛЬ САМ РОЛЬ ДРАМ НОЛЬ САМ
НОЛЬ САМ ИЛ ЛАМ НОЛЬ САМ
САМ МОЙ ХРАМ НОЛЬ

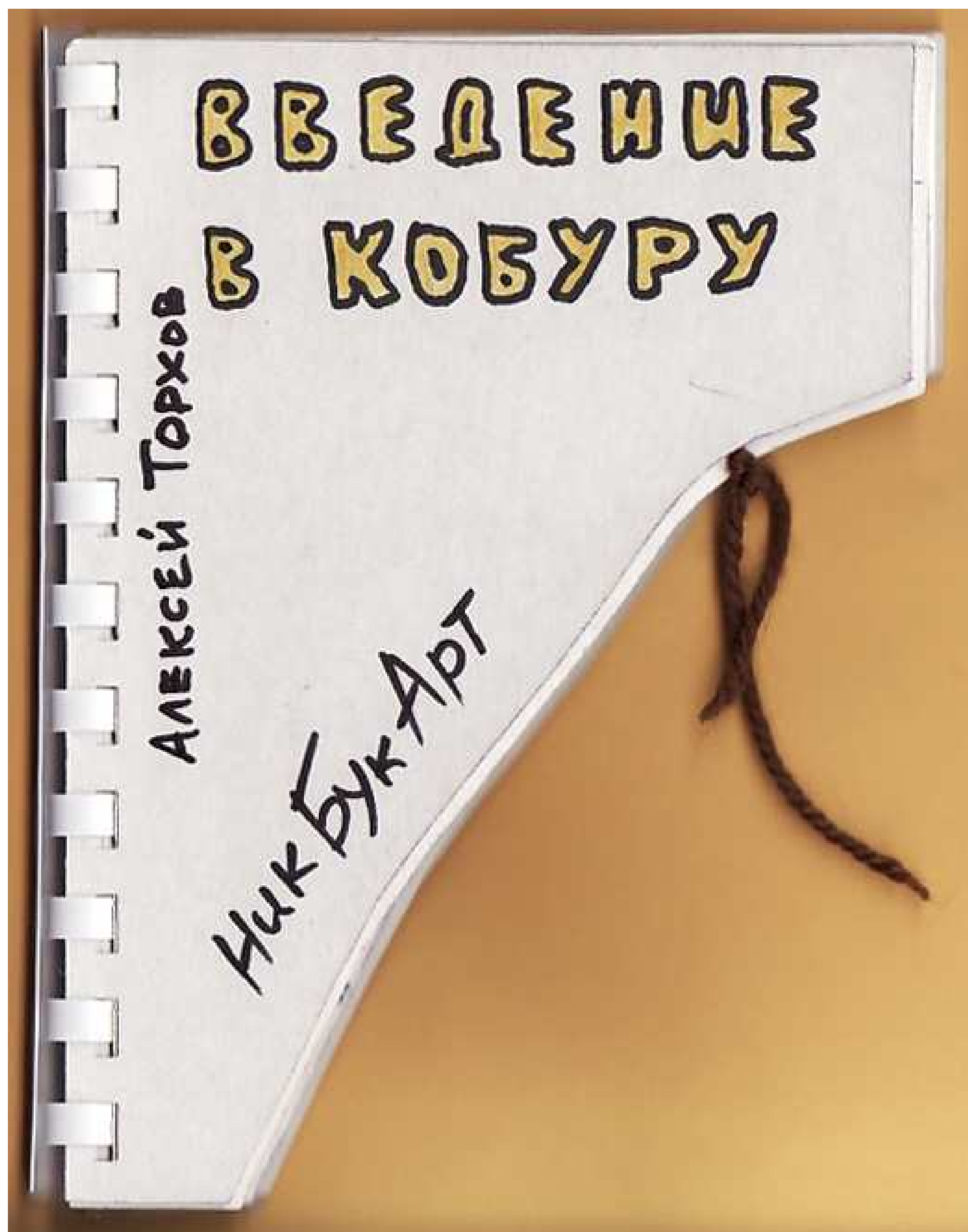
Вадим НОСТАЛЬ
Vadim Nostal

Николай и Михаил ВЯТКИНЫ

Nikolai & Mikhail Vyatkins

ВВЕДЕНИЕ
В КОБУРУ
Алексей Торхов
НикБукАрт

ГЛАВА 11

ВВЕДЕНИЕ В КОБУРУ

Сергей Нежинский, знакомый поэт из Одессы, имеет радикальную версию сущности кобуры: „У проходящего за стенкой милиционера к поясу пристёгнут чёрный рояль – в нём ключ от двери в небо"... Как знать, как знать.

1

Он прав в одном – на каждом подобном ключе два комплекта отпечатков – милиционера и демона-хранителя, и – ни одного отпечатка на двух комплектах клавиш.

ХОТЯ ПОЭТ И УМОЛЧАЛ ОБ ЭТОМ...

2

В советское время каждая кобура шилась особыми нитями, пропитанными в слезах монашек Ухтынского монастыря.

Попытка исторической реконструкции канонического ШВА

3

Материалом для них служила кожа бурых – отсюда специфический вид изделия. Более того, он определялся самой ЭТИМОЛОГИЕЙ* СЛОВА.

Нить бурая, „не особая", но синтетическая, ни в чьих слезах не пропитанная!

*– ТОЖЕ СЛОВО

4

Индивидуальный штрих-код „НЕБО В КЛЕТОЧКУ", рекомендованный с 2010 года вместо справок о судимости (в рамках американо-украинского проекта „Сиддаун плиз, падла!")

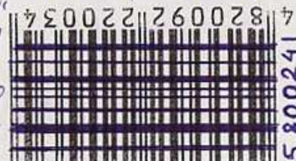

Рис. 1

Главное отличие украинского мента от былого, советского – в отходе от традиций. В первую очередь, наличие неаутентичной кобуры. Из кож

5

жи чёрных. Здесь не идёт речь о том, что подобные бурых, хотя они действительно переродились в оранжевых и синих – „всё" дело в изменении стратегического курса кройки и шитья.

ЧЁРНАЯ ОЗОНОВАЯ ДЫРА

Рис. 2

6

КОБУРА КАК ВМЕСТИЛИЩЕ

ГЛАВА 16

Наталья Бельченко, знакомый поэт из Киева, ни разу не видела содержимого кобуры. Отсутствие начального уличного образования и склонность к поэзии лишь усугубило ситуацию.

7

Она абсолютно целомудренна в этом недетском вопросе. Впервые Наташа стыдливо подняла кобуру на картинке из книги "Дядя Стёпа-милиционер", но, не посоветовавшись ни с кем, опрометчиво решила, что это большой накладной карман. В выпускном классе у неё появилась другая версия — в эту ёмкость ментам складывают пожертвования от населения.

8

Ныне, исходя из своего мировоззрения и пристрастий — вполне допускает, что в кобуре может быть гнездо белки или ИНОГО МИРНОГО ЗВЕРЬКА

Фото 1.

Опознавательный снимок иного мирного зверька № 137. (из коллекции Наташи Бельченко)

9

МЕНТ ЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ!

Что ж, в последней версии есть хоть какой-то отголосок жизни. Бывалый мент, действительно, всегда бредёт по службе в двух шагах от "белки". Она горячо дышит ему в спину, вынашивая свои болезненные планы, но никогда — обращаю ваше внимание! — никогда не вьёт гнездо в его кобуре...

10

Если в кобуре топорщится — у мента встало на службу. Но отличить эту взрослую отверделость и чрезмерность фрагмента может лишь пистолетом пуганый взгляд. А в остальное время и в самом деле в кобуре живёт нечто. Если и зверёк, то бумажный. Должно быть к тому моменту Адам, занимавшийся присвоением имён существам,

11

уже работал начальником кан
„точка – заместитель". Явный
пистолеты, давали по кар
практически идеальное со
ной подписью и знани
Впрочем, не без греха
гер, обожает поста
тилищами
целярии – больно корявое имя; „кар-
пережиток времени, когда всё, и даже
точкам! Бумажный заместитель –
здание. Снабжён печатью, лич-
ем „Кому именно служить."
– „как латентный свин-
янно меняться вмес-
со своим шефом,
12
13
ДЕТЁНЫШ КАРТОЧКИ-ЗАМЕСТИТЕЛЯ
Карточка-заместитель № 500
Никитюку А.Н.
Фотокопия (из фондов Музея артефактов Ментъхауза)

ГЛАВА 97
ГЕОКОБУРА
Андрей Стебелев, знакомый поэт из Винницы, убеждён: материк Африка – колыбель цивилизации. Хотя внешне (это заметно даже невооружённым людям!) – самая настоящая кобура гигантских размеров. К тому же, висящая на правильном месте – на экваториальном поясе планеты…
Кобура – предмет серьёзный и напрягающий изнутри. На неё крайне неохотно садятся мухи и уж конечно не гадят. На её поверхности не отображаются папиллярные узоры. Ни одному придурку не придёт в голову писать на чужой служебной кобуре: «Помой меня, я вся чешуся!» Что уж говорить о геокобуре размером с континент?!
Именно поэтому в канонический текст эпоса об Айболите включена фраза: «Не ходите, дети, в Африку гулять!»… Андрей внял совету, не спеша вырос и гулял там уже не по-детски – с оружием в руках. И правильно, каждый взрослый – сам себе Бармалей…
Выучить и уметь пересказать!
14
15

Украинская версия устройства „ГЕОКОБУРА“

16

Фраза „Не думай о белой обезьяне“ – полное дерьмо по сравнению с фразой „Не думай о чёрном пистолете“! Попробуй-ка о нём не думать, находясь рядом с кобурой.

Попробуй забыть имя Отелло в спальне Дездемоны. Здесь всё дышит им, мешая дышать тебе. А как жарко дышит гигантская ГЕОКОБУРА!

17

Ранее в Африке располагался самозародившийся оберег-пистолет Создателя. Ныне он извлечён и периодически постреливает громами-молниями, разгоняя Тьму на задворках Галактики. Но свято место пусто не бывает! В его отсутствие маниакальная фраза укоротилась до варианта „Не думай о чёрном...“ и тут же материализовалась.

18

* Была явлена живая чёрная субстанция, из которой кто-то налепил уйму чёрных человечков. Те, в свою очередь расплодились и заполнили все пустоты. Ни дать, ни взять – полная кобура копошащихся существ, набившихся в неё, как в союзмультфильмовскую варежку. Само собой, рано или поздно кобура должна была разорваться от избытка обитателей. Она и лопнула – в районе Аравийского полуострова. И живой шевелящийся пистолет выстрелил в сторону Евразии частью самого себя. Такова гипотеза Андрея о самозарождении жизни на континенте-черновике и последующем расселении по всему миру.

* – „Ник Бук Арт“ НЕ НЕСЁТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ГИПОТЕЗЫ СВОИХ ПЕРСОНАЖЕЙ!

19

Навязчивая идея – проследить генезис чёрных человечков! – привела его сначала в Анголу (где он понял, что их много), потом в Конго (где он понял, что их очень много и они разные), потом в Америку (где он понял, что они живучи и чертовски неплохо устроились)... Но те, кто неслучайно коснулись кобуры – полностью меняют свою жизнь. Вот и Андрею до сих пор снятся очень чёрные лица, очень белые зубы и очень малахитовые носороги. Он тщательно, иногда чрезмерно, бреется, чтобы не проступили усы и не напомнили лишний раз о бармалейском периоде жизни. И всё-таки, минимум раз в неделю, проверяет потайное место в известной только ему канаве, где лежат – испытанная кобура и потрёпанная карта АФРИКИ...

20

Говорят, есть гипотеза, что Геокобура – детородный орган планеты. Говорят, Ницше писал свою бездну, заглядывая в темнеющую щель кобуры. Говорят многое. Но Ментъхаузу во всём этом клубке гипотез не интересны ни половая принадлежность кобуры, ни генезис чёрных человечков. Тем более, что вакханалия толерантности, грозящая сделать эвфемизмом саму жизнь, сначала превратила человечков в афроамериканцев, а в идеале – сделает афроафриканцами. Единственное, что интересует Ментъхауз в теории Геокобуры – это идея о самозарождении пистолета.

ЗАПАСНОЙ МАГАЗИН („ОБОЙМА")

21

Миф о самозарождении пистолета в кобуре очень популярен среди ментов первого года службы. Обычно в остром приступе похмелья в это истово верят менты, утерявшие оружие во время пьянки, вернее – во время неспособности её продолжать. Хотя зафиксированы и случаи коллективного верования. Особенно во время многодневных поисков всё того же пистолета всем личным составом райотдела. Как говорится, от забора и до победы... Но, быстрее тыква превратиться в карету, чем карточка-заместитель в пистолет. Поэтому, в данном случае уместнее говорить о служебном мираже...

ВЫРЕЗКА ИЗ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ДЛЯ ЗАМПОЛИТОВ.

В советскую эпоху руководство всячески пыталось развенчать этот миф, насаждая учение о том, что у пистолета был СОЗДАТЕЛЬ.

22

ВЫРЕСКА ИЗ ПОДДЕЛЬНОГО ПОСОБИЯ ДЛЯ ЗАМПОЛИТОВ.

По их версии – табельное оружие ПМ означало вовсе не «Пистолет Ментовский», а «Пистолет Макарова». Сам же кандидат в создатели – гражданин Макаров – был своим в доску, выходцем из народа, стопудовым лимитчиком и, естественно, рубахой-парнем, который не стал ментом только по состоянию здоровья. Именно здесь проходила черта между безбожием ментовских низов и набожностью верхов, поскольку сами верхи пользовались совершенно иными пистолетами – ПСМ. И очень немногие – только эксперты и те представители Ментъхауза, которым дозволено производить полную разборку! – знали, что означает это – «Пистолет Святого Макария». И создатель его тут же из обычного лимитчика превращался в обитателя заоблачных столичных палат... В этой полемике обычно забывали о кобуре. Или всё сводили к аксиоме:

„КОБУРА БЫЛА ВСЕГДА!"

(Правда, называлась иначе. Взять ту же Африку)

23

СОДЕРЖА-НИЕ

24

ИЗДАНО ПРИ СОДЕЙСТВИИ ПЕНСИОННОГО ФОНДА
10.01.10.

ТИРАЖ – 1экз.

г. НИКОЛАЕВ
2010 г.

ВВЕДЕНИЕ В КОБУРУ
Алексей Торхов
НикБукАрт

ВВЕДЕНИЕ В КОБУРУ

Сергей ЗУБАРЕВ
Sergej Zubarev

СКРИПАЧ

(Этюд-кода)

Памяти Дмитрия Ныркова

Действующие лица:
М, *Мужчина, Муж*
Ж, *Жена, Женщина*
Светская дама
Администратор
Скрипач

В тёмном зале наяривает незримый С к р и п а ч. Музыка – фри-джазовая вариация «Полёта шмеля».
Входят М и Ж, спотыкаясь и чертыхаясь.
Постепенно становится видно: в пустом зале вместо кресел – школьные парты вперемешку с кривыми стульями, расставлены в беспорядке.

Ж. На голову капнуло. Какая-то слизь!
М. Фильм ужасов.
Ж. Шуточки. Аварийные здания опасны для жизни.
М. Адреналин.
Ж. Ты говорил, что это новый гламур. Я хотела критиковать гламур.
М. Так критикуй.
Ж. Эту гадость? Кому это нужно.

К ним идёт со свечою А д м и н и с т р а т о р.

М. Я хочу быть в контексте.
Ж. Мы просто в дерьме. Ой! Наступила на что-то.
М. Жвачка?
Ж. Жвачка так не воняет.
М. Неужели?
Ж. Я ухожу.
М. Подожди, это же круто.
А д м и н и с т р а т о р *(подходя со свечой)*. Позвольте вам посветить. Вот ваши места. *(Указывает на парту, за которой теснится Светская Дама в мини-юбке.)*
М. За партой?
Ж. Можно нам пересесть?
А д м и н и с т р а т о р. У нас так не принято. Могут прийти другие.
Ж. В пустом зале. Абсурд.

А д м и н и с т р а т о р. Правила. Вы-то вот опоздали.
С в е т с к а я д а м а *(томно)*. Вы мешаете слушать.
М *(разглядывая Светскую, Ж)*. Не беспокойся. Присядем. Возьми стул, это лучше.

Протискивается за парту к Светской Даме. Колено к колену.

Я вас не смущаю?
С в е т с к а я. Нисколько. В тесноте – не в обиде.
Ж *(в ярости)*. Я ухожу! *(Садится на кривой стул рядом.)* Безобразие!
А д м и н и с т р а т о р. А что вы хотели. Это экспериментальный театр.

Скрипач за ширмой продолжает играть дико, быстро и нудно.

Ж. Артист из-за ширмы выйдет? Это он настраивает инструмент?
М. Наверно, завязка долгая. Как в модном кино.
Ж. Скорей бы он завязал.
С в е т с к а я. Вы мешаете слушать.
Ж. Гм.

Молчат, слушают.

Это издевательство.
М. Когда-нибудь это кончится.
С в е т с к а я *(М, шепчет)*. Есть версия.
М. Что?
С в е т с к а я *(ближе, рука – на колено М, громче)*. Есть версия!
М. Неужели? Надо ждать?
С в е т с к а я. Конечно. Его убьют. Огромная длань.
М. Огромная что?
Ж. Вы мешаете слушать. Какая гадость.
С в е т с к а я. Длань. *(Крепче сжимает колено.)* Ладонь. Сверху.
М. И всё?
С в е т с к а я. И всё. В том-то и дело. Насмерть.
М. Где-то это уже было.
Ж. Вы всё знаете? Какая гадость.
С в е т с к а я. Нет. На самом деле убьют. По-настоящему. Длань. То ли Бог, то ли…
А д м и н и с т р а т о р. Разговорчики!
М. Маяковский!
С в е т с к а я. Смерть! Больше ничем не проймёшь! Только это живое искусство.
М. Вам не холодно?
С в е т с к а я. Я дрожу.
А д м и н и с т р а т о р. Вы мешаете слушать!
С в е т с к а я. Кому?
Ж. Мне. Какая гадость.
А д м и н и с т р а т о р. Вот видите.
М. Почему мы мёрзнем?
А д м и н и с т р а т о р. Обогревать сломался.
М. Вы же взрослый человек!
А д м и н и с т р а т о р. А что я могу сделать?

М. Тогда не мешайте.
Ж. Ты хамишь.
А д м и н и с т р а т о р. Я выведу вас из зала!
М. Всех уже вывели.
Ж. Я ухожу.
А д м и н и с т р а т о р. Наконец-то.
Ж. Вы хамите. *(Уходит.)* Я напишу рецензию.
А д м и н и с т р а т о р. Наконец-то. *(Уходит следом.)*
С в е т с к а я. Здесь собачий холод.
М. Я сниму пиджак.
С в е т с к а я. Нет. Давайте поближе.

М оглядывается.

Не бойтесь. Так надо.
М. Но… неловко. *(Кладёт руку ей на колено.)*
С в е т с к а я. Но это правильно. Это задумка.
М. Любовь тоже должна быть настоящей?
С в е т с к а я *(останавливая его руку)*. Вы делаете успехи. Иначе мы все замёрзнем.
М. Это живой театр?
С в е т с к а я. Это жизнь.
М. А длань?
С в е т с к а я. Куда вы… клоните?
М. Я понял. Иначе мы все замёрзнем. А если нас согреет любовь…
С в е т с к а я. Мне жарко.
М. Нас покарает длань. И мы сгорим в огне адском.
С в е т с к а я. Мне всё равно. Я не хочу замёрзнуть.
А д м и н и с т р а т о р *(входя)*. Надо же. Обогреватель сломался. Когда ж он кончит.
С к р и п а ч *(прервав игру, выходя из-за ширмы)*. Всё.

Пауза.

А д м и н и с т р а т о р *(злобно-вкрадчиво)*. Дорогуша… Воистину дорогуша… А теперь объясни мне. Это всё? И ради чего? Ради чего я вытаскивал тебя из запоя, в котором ты подыхал три года? Что значит весь этот бред? Ты обещал шоу. *(Передразнивая.)* «Это будет прорыв…» Ты отступил от программы. Какого чёрта?! Зачем?!

Пауза.

С к р и п а ч. Чтобы спасти душу.

Продолжает игру.

Ж *(входит, оправляя платье)*. Ещё не кончили?

Грохот, мрак. Тишина.

К о н е ц

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ БОРИСА ФАЛЬКОВА

16 сентября в Мюнхене умер Борис Викторович Фальков, прозаик, поэт, музыкант – человек необычного масштаба личности и дарования, непростой жизненной и писательской судьбы. Выпускник аспирантуры Киевской консерватории. Как пианист выступал с концертами, преподавал, работал на радио и телевидении. Фирма грамзаписи «Мелодия» выпустила его сольный диск с сочинениями Скрябина, Мессиана, Лядова, Баркалова, Грабовского. Поэзией и прозой занимался с 15 лет. В 1987 году уехал в Германию (Мюнхен), где целиком посвятил себя литературе. Первые публикации состоялись в русскоязычных изданиях зарубежья: «Черновик», «Стрелец» и др.. Член германского центра международного ПЕН-клуба с 1995 года. Начал издаваться в Германии (издательства: «LIST» и «GPA»), а затем и в России (издательства: «ГЛАС», «РА», «ВАГРИУС», «ЛЕТНИЙ САД», «РТСофт»). Борис Фальков – автор многочисленных романов, повестей, новелл, двух поэтических книг, рассказов, статей, эссе. Его произведения переведены на английский, немецкий, эстонский и финский языки.

Необычен стиль прозы Фалькова, меняющийся в зависимости от темы. В нём и поэтика средневекового романа и русской городской лирики, психологической прозы и авантюрного жанра. В сыскных романах Фалькова продолжаются традиции фантастических аллегорий Гоголя, Булгакова и Гофмана. Он сам иронически называл свой стиль "готическим реализмом". В то же время его проза изысканна и музыкальна. В ней чувствуется блестящий музыкант, слышится музыкальное многоголосие, происходит литераризация музыки. В результате музыкальная полифония выражается как литературный роман, ибо две столь различные формы выражения как музыка и литература буквально приведены в созвучие. Александр Зиновьев назвал его "Набоковым третьей русской эмиграции". Борис Фальков был также интереснейшим и оригинальным поэтом, продолжая и развивая в своих поэтических текстах традиции русского футуризма.

Фальков - писатель удивительной точности мысли и слова, простой и сложный, изящный и глубокий. Мир, созданный им и мир, в котором его уже нет, – два разных мира, – как ни пафосно это звучит. По крайней мере, это так для знавших его людей. Другим же людям, его настоящим и будущим читателям, остаётся только радость открытия писателя.

Готов к печати самый объёмный труд автора в трёх томах: «Д-Р МИССИОНЖНИК, УХОГОРЛОНОС. Хроника одного Новолуния. Шестикнижие», законченный им за месяц до скоропостижной смерти, наступившей в результате неизлечимой болезни на 64-м году жизни.

Виктор Клыков

Борис ФАЛЬКОВ

Boris Falkov

СТАРЫЕ ЗАКЛИНАНИЯ

1

Мне странный подан знак: знакомое лицо
на стебле увядающем сюда склонило,
вверх по виску промчало тень ресниц,
открыв сияющие дали глаз, доныне тёмные.
И задышали ноздри влагой и туманом,
и губы разомкнулись, чтобы выбежало слово:
фламинго.

Мне странный подан знак: знакомое лицо
отсюда отклонило, стебель распрямило,
вниз по виску промчало тень ресниц,
во тьму задвинуло сияющие дали.
Вползли туманы влажные обратно в ноздри,
сомкнулись губы, чтоб не выбежало слово:
фламинго.

Почему – фламинго? Не приложить ума.

2

Глаз – пучок ресниц... глазальных.
Пучок начальный – глаз печальный пук,
плеск сниц глазальных, г-осли.
Кна уриз ресниц, гец
залг чуп ерко: ципс е
ницо кре-пуч глаз
начальный ци!
Ериг скуз опал-г це идукс
гр...
Апол-г, цег зпру анки, лсо
гыр...
Гиру цлуе ачз-клоне
ци не ерко, чуп залг.
Пльчее ныч! Ах, аал пхь: ленч пчи.
Ых глазальный, еча ысь гец
ресниц уриз кна.
Г-осли печальный сниц плеск,

пучок начальный глаз.
Пук глазальный – тёмный лаз.

3

В красно-бежевых узорах
беглый веер.
Веера мертвящий шорох,
бедный ветер,

всех его движений неживо...
А сами-то где же вы?
Лишь взгляды косо переносятся
над ним – мне в переносицу.

4

Жест – позы рук ... морозных.
Где жест рук морозит позу руки жеста.
Морозы разных рук, угрозы жеста.
Жест рук – мороз из поз рук.
Поза грозы мороза – рук угроза, тсеж.
Оза рук, куразо морозный жест:
пшизд, басо люхс – уоста морознайк
кату оор! пеа жтсаж зоп –
кура мороза: жпок!
Е – жустар морозный, коп жуз морозит
ерате кои.
Же – зураст жпокуз – кстар моровейный
рту-к.
И-жо изста поза рук? Мороза позы поза.
Рук поза – жесты мороза,
рука руки жеста,
рук морозных поза,
рук жестяных мороз.
Рук поза – жёсткий жест.

ДАстругистенДА
на фестивале в Breda

Поэтическая группа ДАстругистенДА, организованная пять лет назад во время Стружских поэтических вечеров в Македонии поэтами *Сергеем Бирюковым (Россия/Германия), Филипом Меерсманом (Бельгия), Питером Во (Англия/Австрия)* и позднее примкнувшим к ним музыкантом и поэтом *Ливеном Веркаутером (Бельгия)*, имеет на своем счету несколько громких акций на фестивалях в разных странах Европы. В прошлом году, например, они с огромным успехом выступали в качестве специальных гостей на Первом европейском фестивале слэма в Берлине.

И вот сейчас, в начале сентября, группа приняла участие в крупнейшем фестивале кино-андеграунда и трэша, который в пятый раз прошел в голландском городе Бреда (**BUTFILMFESTIVAL 2010 VAN 8 T/M 12 SEPTEMBER)**. Устроители фестиваля впервые решили пригласить поэтов и начали с наиболее радикальных.

ДАстругистенДА предложила оригинальную программу: уличные костюмированные чтения, поэтический ринг. И то и другое вызвало бурный восторг у зрителей и устроителей. Разумеется поэты обыграли имя города Бреда, который склонялся на все лады, приобретая все более русское значение, естественно, разъясненное Бирюковым его коллегам.

Так что, приехав в Бреда, поэты очутились в Бреде и вместе со зрителями нырнули в Бреду.

Фрагменты поэтических боев на ринге, а также интервью коллектива бредотелевидению можно посмотреть вот здесь:
http://www.youtube.com/watch?v=TixyPu9_k4s

URL фестиваля:
http://www.butff.nl/
http://www.butff.nl/blz/programma.php?taal=0&pAl=film&blz=perfoDASTRU

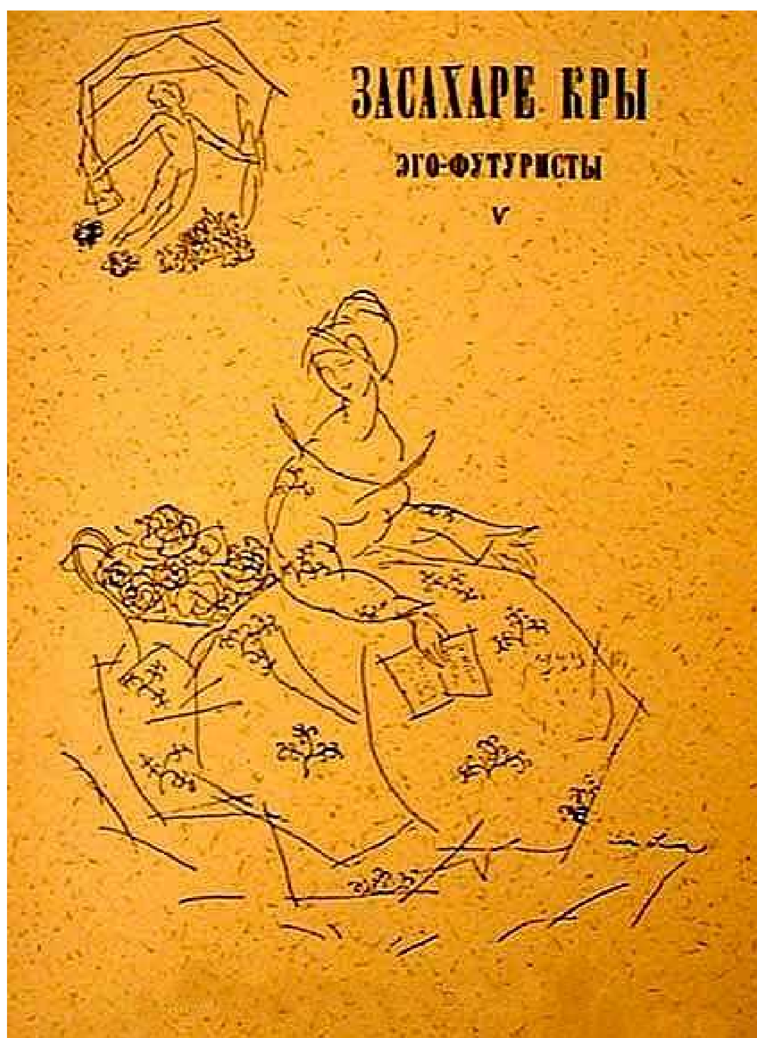

Сергей ШАРГОРОДСКИЙ
Sergej Shargorodskiy

КРЫСА В ЛАБИРИНТЕ

(О названии одного футуристического альманаха)

«Засахаре кры» – заглавие этого альманаха, вышедшего весной 1913 г. в издательстве «Петербургский глашатай» поэта-эгофутуриста И. Игнатьева (И. В. Казанского), прочитывалось современниками однозначно и шокирующе: *Засахаренная крыса*. Такое прочтение вполне укладывалось в эпатажную поэтику кубофутуристов и «Интуитивной Ассоциации Эгофутуризм» Игнатьева (ср. названия других альманахов группы – «Бей, но выслушай», «Небокопы», «Развороченные черепа»). Одновременно, как указывает А.

Парнис, «антиэстетическое заглавие альманаха «Засахаре кры» /«Засахаренная крыса»/ сталкивалось с изысканным рисунком Л. Зака на обложке»[1] . Ранее этот контраст был подчеркнут В. Марковым, отметившим, что «название было призвано не только эпатировать читателей, но и доказать способность авторов альманаха к словесному эксперименту; говорить о том, что оно гармонирует с романтически-томной дамой, изображенной Львом Заком на обложке, не приходится»[2]. Уже в подобном контрасте заключалась определенная двойственность, характерная для всей литературной продукции игнатьевской ассоциации, тяготевшей и к самым радикальным экспериментам (В. Гнедов), и к «китчевым» экзерсисам a-la И. Северянин. Как замечает Парнис, «программа и поэтика альманахов была эклектичной, в духе провозглашаемого эгофутуристами смешения направлений и стилей. Стилистические несоответствия подчеркивались оформлением изданий». В приложении к «Засахаре кры» – сочетанию «слов с отрубленными хвостами», по выражению А. Крученых – двойственность эта позволяла издателю сознательно обыгрывать напряжение смыслов и вместо навязчивого, оскорбительно-эпатирующего прочтения иронически предлагать милое, почти домашнее – *Засахаренный крыжовник*[3].

Эпатаж, конечно же, был здесь одной из основных установок, что не преминул отметить сочувствующий критик из «Очарованного странника»: «В бездушной пустоте литературной современности из нового подполья раздается оглушительный вопль эго-футуристов: «epatez les bourgeois!» Мы не верим, конечно, «квадратным словам» Гнедовых, не видим смысла в «Развороченных черепах» и «Засахаре Кры», однако далекие от желания обвинять Гнедовых в «идиотизме» и «шарлатанстве» убеждены, что и они сами не всегда верят в творческий характер своих измышлений. Но для того, чтобы нарушить спокойное существование современной литературы, всколыхнуть это стоячее болото необходимо, видно, обухом ударить по голове, нужно «epater les bourgeois», нужны «квадратные слова» Гнедовых»[4].

Наряду с программной и достаточно невнятной статьей И. Игнатьева «Эго-футуризм», в «Засахаре кры» были опубликованы стихи В. Шершеневича, П. Широкова и самого Гнедова. В его стихотворении «На возле бал» появляется и долгожданная крыса, внося некоторое оживление в обрисованный автором унылый заумный пейзаж:

Слезетеки невеселий заплакучились на Текивой
Борзо гагали веселям - березячьям охотеи -

Веселочьем сыпало перебродое Грохло
Голоса двоенились на двадцать кричаков -

Засолнкло на развигой листяге -
Обхвачена целовами бьетая ненасыта, -

И Вы понимаете ли в этом что-нибудь:
Слезотеки эта - плакуха - извольте - Крыса...

Комментатор «Собрания стихотворений» В. Гнедова С. Сигей, словно развивая положения рецензента из «Очарованного странника», пишет, что в данном стихотворении «создается особый – новый словарь, язык, соответствующий новым правилам Поэзии, и вся эта гора великолепия рождает мышь. В этом, помимо иронии, эпатэ ле буржуа, есть еще и светлая мысль: творчество существует ради самого творчества, результат же его – мышь, то есть ноль. Вот приговор поэзии, так четко выраженный затем *Поэмой конца*». С этой «светлой мыслью» Сигея можно бы согласиться; хуже обстоит дело с его утверждением, что «крыса в поэтике русских футуристов выступает и заменителем Музы»[5]. Приводимые в пример строки Н. Бурлюка из первого «Садка судей» («Поэт и крыса – вы ночами / Ведете бреш к своим хлебам: / Поэт кровавыми речами / В позор предательским губам, / А ночи дочь , – глухая крыса – / Грызет, стеня, надежды цепь...») и «известное место из *Трагедии* Владимира Маяковского»

(«Милостивые государи / Я это все писал / О вас бедных крысах») скорее свидетельствуют об обратном – появление крысы маркирует мотивы отторжения. Так, в тифлисском стихотворении Т. Вечорки крыса выступает как равноправный персонаж отталкивающего артистического паноптикума («В парчевом обруче / Краткого платья / Пройдет умная / Длинноносая крыса…»); крысу преследуют дымящие надушенными папиросами фрачники, стремясь «Урвать из помадного рта / (Пещеры, где звучит эхо мозга) — / Жало поцелуйки»[6].

Те же мотивы отторжения и отталкивания обнаруживаются у В. Хлебникова — к примеру, *дома-крысятники* и неологизм *крысина*. Впрочем, с Хлебниковым дело обстоит несколько сложнее. Образ крысы или мыши, а также таинственного владыки мира — *Крысолова* / *Мышелова* — буквально преследует Хлебникова, начиная со сравнительно раннего стихотворения 1908 г. «Стенал я, любил я, своей называл»:

Но Крысолов верховный «крыса» вскрикнул
И кинулся, лаем залившись, за «крысой» —
И вот уже в лапах небога,
И зыбятся свечи у гроба.

и проявляясь затем в стихах 1915–1918 гг., составивших «сверхпоэму» «Война в мышеловке» («И надо мной склонился дёдер, / Обвитый перьями гробов / И с мышеловкою у бедер, / И мышью судеб меж зубов. <…> Я молвил: «Горе! Мышелов! / Зачем судьбу устами держишь?» и т.д.), а также в заглавии планировавшегося Хлебниковым в конце жизни сборника «Крыса»[7]. Этот сложный мотивный узел нуждается в дальнейшем анализе, однако достаточно ясно, что у Хлебникова он прочно связывается с идеями числовых законов времени, судьбы и персональной гибели — см. характерный финал цитируемого стихотворения из «Войны в мышеловке» — *Мой мертвый взор чернеет точкой*.

У А. Крученых крысы — обитательницы «Дома Горгоны»; в одноименном стихотворении, вошедшем в бакинский сборник 1920 г. «Цветистые торцы», при желании можно найти и решенные не без иронии «хлебниковские» темы смерти и богоподобного существа, управляющего судьбами, и мотивы итальянские — возможно, напоминающие читателю о таком значимом в «крысином» контексте футуристическом авторе, как Ф. Т. Маринетти («Дом Горгоны» начинается строчками «ФЛОРЕНСА / НЕ СПАЛА В ОЖИДАНЬИ / ФАМИЛЬНОГО ОТКАЗА»):

ЧУЧЕЛО КРЫС
МЕТНУЛИСЬ КОРИДОРОМ
УГРЮМО ВИЗЖА В СВОЕЙ КОНУРЕ
ПОД НАМОТАННОЙ ПАНЕЛЬЮ

БЮСТ НАПОЛЕОНА
В НАБУХШЕМ ЧЕХЛЕ
ОБНАЖИВ СВОИ ЗУБЫ
ПОЙМАЙ ИХ!

Крыса, как представляется, прогрызла ход к русским футуристам именно из творений Маринетти, у которого это животное выступает символом отжившего мира и связывается с «пассеистическими» городами-музеями, подлежащими разрушению; примечательно, что итальянец в свое время анонсировался Игнатьевым и его соратниками как будущий участник альманаха «Засахаре кры» (смелые планы «игнатьевской» группы, однако, не осуществились).

В «Футуристской речи венецианцам», пророчествуя о гибели Венеции и смакуя будущий «безумный хоровод вокруг знаменитой затопленной руины», Маринетти восклицает:

«Так именно, о, венецианцы, мы пели, плясали и смеялись перед агонией острова Филы, *погибшего, как старая крыса*, благодаря Ассуанской плотине, этой мышеловке с электрическими дверцами, посредством которой футуристский гений Англии овладевает

священными бегущими водами Нила»[8]. Римляне же, по Маринетти, «*продолжают вести жизнь пыльных крыс*, гордых и довольных тем, что подбирают крошки конфект, которые приезжие мисс жуют своими крепкими зубами, округляя розовые рты и лазурные очи, между громадными уцелевшими ногами обезглавленного Колизея!...»[9].

Может показаться, что Игнатьев и его группа идут гораздо дальше отца-основателя итальянского футуризма, предлагая буржуа еще более отвратительную, издевательски подслащенную пилюлю – «Засахаре кры». Но при всей своей эпатажности, образ подобного «дерьма на палочке» бытовал в русской юмористике еще со второй половины XIX в., что – вероятно – было известно тому же Игнатьеву, начинавшему свой литературный путь в качестве сатирика и сотрудничавшему затем в многочисленных периодических изданиях, в том числе развлекательного толка. Здесь следует отметить, что связи футуризма с юмористическим пластом литературы и журналистики 1880-х – 1910-х гг. прослежены весьма слабо, за исключением разве что «Сатирикона». Между тем, с юмористикой связано немало страниц В. Хлебникова и многое в творчестве Крученых, также начинавшего как газетный сатирик и художник-карикатурист. За примерами далеко ходить не требуется: в частности, гротескное воспроизведение армянского акцента в книге Крученых «Календарь» (1926):

Эрывань
Жы – ы – ра...
На маставой
сверлят
мазоли,
калючки,
камни...
Эй, варабэй, варабэй,
адалжи сто рублей –
закуплю грузовик
Снэ – е – гу....

(«Лето армянское»)

а также начало «дра» И. Зданевича «Янко круль албанскай» с пародийной «албанской» речью[10] являются не столько очередными экспериментами по *расширению пределов* русского литературного языка, сколько заимствованием из так называемых «репертуарных» сборников 1880-х – 1910-х гг. Практически непременным персонажем юмористических сценок в подобных сборниках, зачастую проникнутых ненавистью к инородцам, был армянин или еврей, причем юмористический эффект должен был достигаться путем насмешек над плохим русским языком данных персонажей; на эстраде, в бесчисленных репертуарных сборниках, в текстах, печатавшихся на юмористических открытках, на граммофонных пластинках вовсю тиражировались сценки наподобие «Армянин читает басню Крылова», «Кавказский городской голова», «Еврей на приеме в театральное училище» и т. д.

Вернемся, однако, к нашим крысам. В конце 1880-х годов в юмористическом журнале «Развлечение» – числящем среди своих выпускников А. П. Чехова – публикуется анонимное иллюстрированное стихотворение «*Засахаренная крыса*, или Ужасное привидение», посвященное «всем лакомкам прекрасного и непрекрасного пола»[11]. В нем описывается кондитер Яни, «Что в различной сладкой дряни / Крыс без счета загубил» и его ночное видение – облитая глазурью «Крыса – видом, бык – размером», грозящая нерадивому кондитеру страшным наказанием:

«Знай,» – сказало привиденье,
«Что настал расплаты час!
«Ты топил без счета нас
«И в сиропе, и в вареньи,
«Клал в конфекты, в шоколад,

«В пастилу и в мармелад,
«Даже в пат, в халву, в рахат,
«И в миндальное печенье!
/…/
«Так изволь же, друг мой, слушать –
«В наказание всю скушать!»

Вполне очевидно, что крыса эпохи «бури и натиска» авангарда как у футуристов, так и у их противников (в особенности же в юмористической и желтой журналистике) восходит, прежде всего, именно к этому юмористическому штампу и соотносится одновременно и с будетлянской идеей завоевания / пожирания мира (Д. Бурлюк и др.), и с темой насильственного «кормления» публики авангардными произведениями.

Уже через несколько месяцев после выхода в свет «Засахаре кры» в прессе появляются такие статьи, как «Засахаренная крыса» М. Криницкого (М. В. Самыгина) в «Московской газете» (с этой статьей о Розанове мы, к сожалению, не смогли ознакомиться de visu), появляется и характерная формулировка: «Бог не выдаст – *футурист не съест*»[12]. Мало того – атакующие футуристов критики помнят и о давешнем кошмарном призраке. По свидетельству С. Сигея, «описывая выступление Михаила Ларионова, когда тот треснул своего оппонента председательским звонком на одном из диспутов, фельетонист уверял, что для любого футуриста *засахарить и съесть даже звонок* ничего не стоит (*Перья из хвоста*. – Новый Сатирикон. 1913. № 5. Стр. 5)»[13].

Ларионов подхватывает вызов. Осенью 1913 г. художник начинает развивать положения будущего футуристического театра, которые обрастают в прессе колоритными подробностями: «На первом спектакле г-жа Гончарова и К° - т. е. столпы футуризма решили… / – изображать животных…/ Один будет одет «под собаку», другой – «под кошку», «*крысу*», «лисицу» и проч. / И все будут… / Вилять самыми настоящими, как они заверяют, хвостами. / Для развлечения в антрактах гг. футуристы придумали: / Есть жеванную резину, зажженную паклю…»[14].

Ларионов выдвигает и эпатирующую программу особой лучистской кулинарии, предлагая употреблять в пищу мясо собак, кошек, *крыс*, ежей, ворон, ужей и т. п.[15]. В периодике радостно сообщается о якобы задуманном группой Ларионова «футур-банкете», где глава лучистов собирается собственноручно приготовить *соус из крысиных хвостов* с изюмом и зеленым луком[16].

Но тема крысы в сахаре вскоре утрачивает свою актуальность, окончательно переходя в область метафорических клише[17] и становясь наконец достоянием профессиональных «смехачей» сатириконовского толка. Так, после прошедшей в Петрограде в марте-апреле 1915 г. «Первой футуристической выставки картин 'Трамвай В'» А. Аверченко публикует издевательский рассказ «Крыса на подносе», где одно из футуристических произведений описывается следующим образом:

«Нужно отдать справедливость юному маэстро с розовой сыпью - красок он избегнул самым положительным образом: на стене висел металлический черный поднос, посредине которого была прикреплена каким-то клейким веществом небольшая *дохлая крыса*. По бокам ее меланхолически красовались две конфетные бумажки и четыре обгорелые спички, расположенные очень приятного вида зигзагом».

Герой рассказа приглашает двух авторов футуристических шедевров к себе в гости и грозит им страшным наказанием, живо напоминающим о терзаниях кондитера Яни и гастрономических фантазиях Ларионова: «У меня свой способ чествовать молодые, многообещающие таланты: я обмазываю их *малиновым вареньем*, посыпаю конфетти и, наклеив на щеки два куска бумаги от мух, усаживаю чествуемых на почетное место. Есть вы будете особый салат, приготовленный из кусочков обоев, изрубленных зубных щеток и теплого вазелина. Не правда ли, оригинально? Запивать будете свинцовой примочкой». В страхе долговязые молодые люди «с прекрасной розовой сыпью на лице и изящными деревянными ложками в петлицах», как автор аттестует футуристов, признаются в том, что попросту хотели одурачить публику, «шум сделать, разговоры вызвать»[18].

Постойте – *малиновое варенье*? Остается лишь вспомнить, что одна из иллюстраций к «Засахаренной крысе» из «Развлечения» изображала руку кондитера, аккуратно

погружающую крысу в банку с надписью «*Сахарное варенье»*. Итак, вдоволь помыкавшись по закоулкам футуристического лабиринта, засахаренная крыса наконец вернулась в юмористику – туда, откуда пришла.

Примечания

1. *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь.* М., 1992. Т. 2. С. 399. Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность А. Парнису в связи с ценными замечаниями по данной работе.

2. Марков В. Ф. *История русского футуризма.* СПб., 2000. С. 72.

3. Эта амбивалентность заметна и в сравнительно недавних статьях (см. Терехова В. «Засахаре кры» или загадки эгофутуризма». *Арион.* 1996. № 1. С. 58): «Но что все-таки означает название альманаха «Засахаре кры»? Здесь наши отгадки могут не сойтись с ответом (а есть ли он?). Одни вспомнят эпатажные выступления, малопонятные, провоцирующие тексты, претенциозные манифесты, изломанные судьбы… ЗАСАХАРЕННЫЕ КРЫСЫ! Вот что, предвкушая соответствующий эффект, предъявляли эгофутуристы читателям. Но, помилуйте, возразят другие, и процитируют изящные эгополонезы, сиреневые хмели, розы в вине и ананасы в шампанском. Это всего лишь ЗАСАХАРЕННЫЙ КРЫЖОВНИК!..»

4. П. О. [Животовский С.]. «Pour eparer les bourgeois». *Очарованный странник: Критик-интуит.* № 1 [1913. Ноябрь]. С. 7. Цитируются известные строки Гнедова из «Огняной свиты»: «Гениальнейший поэт Будущего / Василиск Гнедов владеет ежеминутно / 80.000.000.001 квадратных слов». Автор рецензии явно полемизирует с С. Городецким, писавшим о «чистейшем идиотизме» В. Гнедова (*Речь.* 1913. № 48. 18 февраля. С. 3).

5. Гнедов В. *Собрание стихотворений.* Trento, 1992. С. 145-146.

6. С*офии Георгиевне Мельниковой Фантастический кабачок.* Тифлис, 1919. Цит. по: *Поэзия русского футуризма.* СПб., 1999. С. 580-581.

7. См. Vroon R. *Velimir Xlebnikov's Krysa. A Commentary.* Stanford, 1989 (Stanford Slavic Studies, 2).

8. Маринетти. *Футуризм.* СПб., 1914. С. 44.

9. *Ibid.* С. 63.

10. В этом плане невозможно обойти вниманием деятельность кружка петроградских художников и поэтов, издававших гектографированный журнал «Бескровное убийство»; знакомство Зданевича с «Албанским выпуском» этого журнала и послужило поводом к написанию «дра». Участница кружка О. Лешкова вспоминает, как Зданевич «прочитал только Янкин номер и впечатление было самое неожиданное: он хохотал до слез, т.е. они у него действительно лились по щекам. Этот неожиданный эффект был первым ценным гонораром моего юмора» (См.: Марцадури М. «Создание и первая постановка драмы «Янко круль албанскай» И.М. Зданевича». *Русский литературный авангард. Материалы и исследования.* Trento, 1990. С. 26–29).

11. Цит по кн.: *Наши юмористы за 100 лет в карикатурах, прозе и стихах. Обзор русской юмористической литературы и журналистики.* СПб., 1904. С. 26. В этом популярном издании полностью, хотя и в уменьшенном формате, воспроизведена соответствующая страничка «Развлечения».

12. Лопатин Н. «Футурист идет». *Утро России.* 1913. № 170. 24 июля. С. 1. Цит. по изд.: Крусанов А. *Русский авангард. 1907 - 1932. Исторический обзор.* Т. I. Боевое десятилетие. СПб., 1996. С. 120.

13. Гнедов В. *Op. cit.* С. 102. Описываемый скандал произошел на диспуте в московском Политехническом музее 23 марта 1913 г., накануне открытия выставки «Мишень» и вскоре после выхода в свет «Засахаре кры».

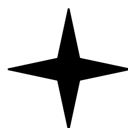
14. *Киевский театральный курьер*. 1913. № 1724. С. 3.

15. Крусанов А. *Op. cit*. С. 125-126.

16. *Театр*. 1913. № 1386. С. 10. Цит. по: Янгиров Р. «Смерть поэта (Вокруг фильма «Драма в кабаре футуристов № 13»). *Седьмые тыняновские чтения. Материалы для обсуждения*. Рига-М., 1995-1996. С. 161-172. См. в этой интересной работе подробности о театральных замыслах Ларионова и его группы.

17. В таком качестве, к примеру, использует эту тему Н. Клюев — в письме к С. Есенину летом 1915 г. он наставительно пишет, что благодеяния чуждых крестьянскому миру городских поэтов — «не хлеб животный, а *засахаренная крыса* <...> это блюдо по нутру не придет, и смаковать его нам прямо грешно и безбожно» (*Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма. Документы*. М., 1995. С. 207).

18. Аверченко А. *Собрание сочинений в 6 томах. Т. 5. Чудеса в решете*. М., 2000. С. 3-8. Участники выставки вместо цветов действительно украсили свои петлицы деревянными ложками. Среди экспонатов были рельефы Татлина, картина, состоявшая из висевшего на стене на фоне листа бумаги молотка, коллаж К. Богуславской, сработанный из куска зеркала и коробочки от пудры, а также композиции К. Малевича, в том числе «Англичанин в Москве» (по Аверченко: «Американец в Москве» – не возьмете ли? Моя работа. / Он потащил меня к какой-то доске, на которой были набиты три жестяные трубки, коробка от консервов, ножницы и осколок зеркала»).

Наталья РУБАНОВА
Natalia Rubanova

РУ О РУ

«С тех пор я Петербурга не люблю...»: наткнулась я на *это* года два назад, в Сети, где каких только камешков драгоценных нет – остановилась, прочла, перечла, скопировала, однако WS WORD графику буковок, в лавину чувств складывающихся, не выдержал: картинок затребовал... что делать? он же живой, MS WORD: так вот и подставляла под каждую строку кадр, пойманный там же, тогда же (Сеть, Сеть, куда теперь без нее – по миру разве? А в Сети: буквы и звуки, люди сверху и снизу, сбоку и с припёка, вирт-фрилансы с web'ом их money и проч. – и прочь!). В общем, кормила с руки программу, будто собаку. Стихотворение же называлось «С тех пор»: маленький шедевр, чудо с горчинкой, по недосмотру небесных управленцев спущенное на сей шарик... Тогда мне еще казалось, что любой шедевр оказывается здесь именно по недосмотру – ведь его, по всем счетам, *не должно здесь быть*.

«Аня Ру: сетевой прозаик, публикуется на сайтах Стихи.Ру и Проза.Ру с 2002 года, публиковалась в альманахе Labrys, некоторых других сборниках»: ничего примечательного в скупой этой информации нет (не считая того, быть может, что, судя по RU, все стихи и вся проза данных ресурсов намекают невольно на присутствие некоей персоны), однако мне любопытно, коготок увяз: Аня Ру, да кто такая Аня Ру? Я с изумлением обожглась прохладой *ее Петербурга*, настолько он оказался осязаем – «Был невозможен поворот назад, // И я пошла куда глаза глядят // Ничьим не провожаемая взглядом...» – я помнила, как месила в прошлом веке снежную соль на Дворцовой

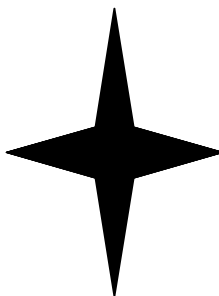
площади: я не подозревала, что встречу когда-нибудь столь точное описание – нет-нет, не времени года и города! – того, что звенело, как мне, по наивности, много лет назад казалось, в моей лишь душе… упс, все двуногие схожи.

«я в таком дремучем лесу, где Белоснежек нет и не будет, и гномы ковыряют в носу, и никого не разбудят, даже если трубить в трубу, целовать в обескровленную губу…» (*Сказочка*); «я вываливаюсь по пути, меня можно теперь соскрести, ссыпать в чей-то совок, отвезти на ближайшую свалку. что ты ждешь? дёргай, жми, открывай. прыгай в реку, ложись под трамвай, удавись, выбирай себе участь любую, не жалко…» (*Она всё начинает с нуля*); «удаляюсь продуманною походкой, // она стреляет мне в спину зеркалом дальнего вида…» (*дворянка девочка сумасбродка*); «из кустов, привезенных тобой, ни один не зацвел. // я немного устала. я дважды меняла свой пол: // слишком нежен мужчина, а женщина слишком груба. // я усталый ребенок, наверное, это судьба» (*из из из*); «Я повторяюсь, повторяюсь, сама зажглась – сама спасаюсь, меня бросает в смех и в слёзы, меня давно забрать пора. всё ближе, ближе подбираюсь, всё круче выбираю позы. и оттого, что баба с возу, кобыла пьяная с утра» (*весна любовь шизофрения*); «еще немного жизни между строк. // еще немного – и пройдет насквозь, и я повешу тень ее на гвоздь, и, нежно проведя по рукаву, // подумаю, что больше никому…// как мы себя, о боже, бережём, напуганы любовью, как ножом» (*береди себя*)…

Ну да, она пишет о любви: не боится. Сейчас ведь как: иной раз увидят у «коллеги по цеху» существительное на «л», так сразу ругать, – а самим-то не по себе: «всё уже было», чувствовать нечем, говорить о даре священном чуть ли не «неприлично» – разумеется, филологические па (и даже ню) отнимают куда как меньше живой крови, разумеется… Но я не об этом. Я о текстах. О капле чуда. Такой вот, скажем: «Любимая, как грустно, как темно // Как беден снег, летящий ниоткуда // Какая-то небесная простуда // Пока спала ты, заплыла в окно…» (*любимая, как грустно, как темно*). Или о мозаичности счастья, о смерти и самопреодолении. И снова: о любви, о любви, о любой любви: «любимая, у тебя льдинки в глазах и горячий рот // раскаленную любовь остужаю в лёд…» (*хрусталики*) – «так остужать заклейменную спину льдиной бетона // плавиться тихо плечами, слушать, как дышишь. // и подыхать от любви без малейшего стона. // вдруг ты услышишь…» (*так тебе*) – «Перекрученные вдребезги растоптанные в жгут // Мои нервы без намордника по улицам бегут…» (*Вдребезги*).

А потом был поэтический вечер в Булгаковском доме: Аня Ру читала, в том числе и «С тех пор я Петербурга не люблю» – читала с толком, читала… теми самыми чувствами, которые чаще всего зашкаливают и, увы, не всегда оставляют время на шлифовку того, что шлифовать необходимо.

Впрочем, стихи эти на диво живые: всамделишные солнечные зайцы, выпрыгивающие из солнечного ее сердца.

В.Н.Терёхина. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика.- М.: ИМЛИ им А.М.Горького РАН, 2009.

Вера Николаевна Терёхина – известная и замечательная исследовательница русского авангарда, автор исследований творчества Ольги Розановой, Бориса Григорьева, работ о Хлебникове, Маяковском, составитель и комментатор ряда антологий, многочисленных публикаций по русскому авангарду. Ее новая книга посвящена феномену русского экспрессионизма. Она стала продолжением составленной ею антологии ''Русский экспрессионизм. Теория. Практика. Критика'' (М., 2005). В монографии впервые проведен системный анализ творчества ряда писателей, поэтов и художников в их причастности к одному из основных стилевых течений прошлого века. Впрочем, экспрессионизм, как это видится по прочтении книги и соразмышлении с ее автором, это не только стилевое течение, но в значительной степени течение психологическое, соотносимое с романтизмом. Поэтому
мы горячо рекомендуем каждому пишущему (особенно авторам нашего журнала) проштудировать эту книгу. Уверены, что она поможет с большей точностью определять возможности собственного движения в искусстве.

Тихон Чурилин. Стихи. Рисунки Натальи Гончаровой. Издание подготовил Арсен Мирзаев. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2010.

Поэт, прозаик и драматург, которого Марина Цветаева называла гениальным, а Велимир Хлебников включил в число избранных Председателей Земного Шара, остается фактически неизданным. Его первая книжка стихов 1915 года ''Весна после смерти'' с гравюрами гениальной художницы Натальи Гончаровой была встречена очень сочувственно. В 1918 году выходит ''Вторая книга стихов'' и роман ''Конец Кикапу'', также вызвавшие интерес в литературном мире. Но в дальнейшем фортуна оставляет его навсегда. Даже уже вышедшая в 1940-м году книга стихов, составленная из произведений 30-х годов, не доходит до читателя. В 1946 году поэт умер в психиатрической больнице.
И... долгое забвение. Помнили только сугубые знатоки. Лишь в 80-е-90-е годы начинают появляться отдельные перепечатки и публикации из неизданного.
Петербургский поэт и исследователь Арсен Мирзаев давно и основательно занимается творчеством Чурилина. В том числе он сделал одну из самых интересных публикаций в журнале ''Футурум Арт''. И вот наконец в Мадриде вышла ПЕРВАЯ после долгого забвения книга Тихона Чурилина. Книга небольшая по объему, но из тех, что томов премногих тяжелей.
Арсен Мирзаев составил книгу из неопубликованных стихов 1914-1920 гг., извлеченных из архива Рукописного отдела Российской национальной библиотеки (только одно стихотворение было опубликовано в далеком 1916 году). Книга проиллюстрирована графикой любимой художницы Чурилина Натальи Гончаровой. В компрессивном предисловии А.Мирзаева представлен жизненный и творческий путь поэта. Издание выполнено мастером рукотворной книги Михаилом Евзлиным.

Вера Калмыкова. Растревоженный воздух: стихи. М.: Русский импульс, 2010.

Стихи Веры Калмыковой филологичны в лучшем смысле этого слова. То есть, по нашему убеждению, стихи и должны быть филологичны (надо ли переводить?!). Вот например самое первое стихотворение, посвященное М.Л.Гаспарову: в шести строфах уместилась довольно значительная часть русской поэзии: переклички, прямые и косвенные цитаты, в общем вся упоминательная клавиатура тут задействована. ''Мироощущение как центон'' – очень точно определяет отличительную черту поэтессы в послесловии к книге Вадим Перельмутер. На самом деле так, Вера Калмыкова не демонстрирует, а живет поэзией как ее тончайший знаток, вплоть до самых потаенных и полузабытых имен, а также сверхизвестных, но не очень понимаемых. Как профессиональный филолог Калмыкова составляла книги Юрия Верховского и Владимира Нейштадта, защитила диссертацию по творчеству Брюсова. В данном случае произошло счастливое совпадение: филологическая культура совпала с поэтической одаренностью. И потому оказалось возможным проникновение в глубокие бытийственные пласты. Как например в стихах под названием ''Геология'':
Красной глиной скрепить края половин,
белой глиной
изнутри и снаружи промазать шов,
чтоб никто не увидел разлом души,
из которого
истекает Бог,

на выходе,
застревая словом,
застывшим от соприкосновения с воздухом.

Гольцшмидт В.Р. Послания Владимира жизни с пути к истине. / Сост., предисл. и комм. Н.Андерсон. / Б.м. Salamandra P.V.V., 2010 – 85 с. илл. - PDF.

Первое современное издание произведений ''футуриста жизни'' Владимира Гольцшмидта (1891?-1957). В аннотации издатели представляют его как ''поэта, агитатора, культуриста и одного из зачинателей жанра артистического перформанса''.
Гольцшмидт прославился тем, что поставил в Москве памятник самому себе, основал вместе с Вас. Каменским ''Кафе поэтов'', выступая, ломал доски о свою невероятно твердую голову, в лекциях учил здоровому образу жизни, пропагандировал йогу и вообще культ тела.
Издание возвращает к активному чтению единственную книжку Гольцшмидта, изданную им на Камчатке в 1919 году. Здесь же публикуется подборка материалов из разных источников, в том числе известные по книге А.Крусанова ''Русский авангард'' (т. 2). Это газетные отчеты о выступлениях футуристов, мемуарные свидетельства, иногда переходящие в околохудожественные сочинительства.
Книге предпослано провокативное предисловие Натальи Андерсон, в котором автор совершенно справедливо замечает, что искусство Гольцшмидта ''внетекстуально'', что он шел к футуризму ''не от литературы или живописи, а от натуризма, йоги, силовых номеров балаганов и атлетизма гимнастических залов''.
Отметим, что книга вышла как интернет-издание.

Маринетти Ф.Т. Битва у Триполи (26 октября 1911 г.), пережитая и воспетая Ф.Т.Маринетти. Пер. и предисл. В.Шершеневича. Портр. раб. Н.Кульбина. - Б.м.: Salamandra P.V.V., 2010. - 97 с., карта, илл. - PDF.

Книга военных впечатлений, написанная итальянским футуристом Маринетти, корреспондентом на фронте итало-турецкой войны. Переведенная русским футуристом Вадимом Шершеневичем и изданная в России в 1915 году, выходит впервые в интернетном варианте. Книга блестяще прокомментирована и представляет не только историко-литературный интерес, но также вписывается в геополитическую проблематику.

Валентин Катаев. Избранные стихотворения./ Подг. текста – П.Катаев, вст. статья – В.Перельмутер. М.: Мир энциклопедий Аванта + . Астрель, 2009.

Впервые отдельной книгой изданы стихи знаменитого писателя Валентина Катаев, проходившего поэтическую школу у Ивана Бунина, но не миновавшего влияния авангардного крыла русской поэзии, в частности, Маяковского, Пастернака, Крученых.
Вадим Перельмутер в предисловии справедливо называет язык поэзии языком литературы.
Книга стихов Катаева вскрывает подоснову его яркой цветущей прозы. В то же время эта книга расширяет наше представление об общей стихотворной культуре Серебряного века, имевшей множество разнообразных ответвлений.
От самой свистящей скворечни
До черных садовых плетней –
Черкешенок очи – черешни,
Чем слаще они, тем черней.

А дробь разлетается сразу,
Вздымается маленький смерч.
И в сладкую косточку глаза
Клюет воробьиная смерть.
1922

Людмила Зубова. Языки современной поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Известный лингвист Людмила Зубова рассматривает ''современную поэзию … как своеобразную лингвистическую лабораторию''. В книге 9 глав, в каждой из которых рассматривается лаборатория одного поэта. Героями исследования стали Л.Лосев, В.Соснора, В.Кривулин, Д.А.Пригов, Т.Кибиров, В.Строчков, А.Левин, Д.Авалиани. В книге, основанной на пристальном лингвистическом анализе текстов, множество интереснейших наблюдений, выводов и обобщений. В результате мы имеем возможность более отчетливо представить себе языковую картину современной поэзии.

Язык как медиатор между знанием и искусством. Сборник докладов Международного научного семинара. Ответ. ред. докт. филол. наук. Н.А.Фатеева. М.: Издательский центр ''Азбуковник'', 2009.

Крайне наукоемкая книга в то же время фокусирует наше внимание на проблеме языка искусства, как бы втягиваемого в научный дискурс. Равно рассматриваются и противоположные явления. В качестве наиболее характерных образцов приведем здесь доклады И.Е.Лощилова о Н.Заболоцком и И.С.Кукуя об А.Волохонском.
Тексты, собранные в книге, взывают к живому обсуждению, пересмотру некоторых устоявшихся мнений и репутаций.

В.Д. Седельник. Дадаизм и дадаисты. М.: ИМЛИ РАН, 2010.

Из аннотации: ''первое в отечественном литературоведении системно-типологическое исследование дадаизма как художественного движения в контексте авангардистских экспериментов первой трети XX века.''
Представлены генеалогия, история, теория, поэтика дадаизма. Кроме того, автор написал ряд портретов дадаистов, таких как Хуго Балль, Рихард Хюльзенбек, Ханс Арп, Вальтер Зернер, Франсис Пикабиа, Рауль Хаусман, Вальтер Меринг, Курт Швиттерс, Тристан Тцара. В Приложении даны манифесты, воспоминания, дневники участников движения.

Арсен Мирзаев. По тембру молчания. Рисунки Б.Констриктора. Предисловие С.Бирюкова. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2010.

Книга объединила двух замечательных авторов современного Петербурга. Рисунки и стихи в данном случае составляют безусловное единство. Арсена Мирзаева интересуют прежде такие проницания Слова, которые можно охарактеризовать как ''невозможные'', ''непостижимые''. Тонкие оттенки экзистенциального передает в своих рисунках Б.Констриктор. Реальность здесь коррелирует с ирреальностью, а в результате создается такой мир, в котором интересно путешествовать читателю.

Т.М.Колядич, Ф.С.Капица. Русская проза XXI века в критике: рефлексия, оценки, методика описания. М.: Флинта: Наука, 2010.

Уникальное издание, написанное известными филологами и критиками, соединило в себе монографическое исследование и методическое пособие. Авторы нескучно (часто публицистически пристрастно) исследуют современный литературный процесс через анализ критической продукции и литературной журналистики. Устанавливается жанровая парадигма форм СМИ, дается краткий обзор основных форм преподнесения информации. Каждая форма рассматривается подробно, с привлечением актуального иллюстративного материала. Авторы рассматривают и персоналии нынешнего процесса, особое внимание уделяют такому «новоделу», как пиар-акция в литературном мире. Изучение разнообразия пиар-форм и их анализ позволяют показать парадигму современного литературного процесса и выявить формирующие его факторы. Для этого в ряде глав дается подробная характеристика каждой формы и раскрывается алгоритм работы над ней. Другой ряд глав посвящен состоянию современной критики, что позволяет составить ее собирательный портрет и одновременно провести некоторую классификацию. Подробно рассматриваются такие формы как Авторские ежегодники, Сборники, Очерки о писателях, Справочные издания. Показаны их особенности, выявлена роль и приемы выражения авторской манеры. Особое внимание уделяется авторским предпочтениям и их отражению в текстах. Пожалуй, наибольший интересе эта монография должна вызвать даже не столько у студентов-филологов, но у лиц, вовлеченных в активную литературную жизнь. Монография точная, смелая, спорная и, бесспорно, значимая.

Б., Х.

Другое
полушарие /
Another
Hemisphere
2010
№ 13